

П. В. Шкуркин.

КАРТИНЫ

ИЗ

Древней истории

Китая.

簡 中
略 國
史 古
代

Харбин. 1927 г.

Обложка книги П.В. Шкуркина
«Картины из Древней истории Китая»

Валентин Булгаков

**ЦВЕТОК НЕБЕС
(ВЫСТАВКА СОКРОВИЩ)**

Сцены из древнекитайской жизни в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Император Чун-Эр, Сын Неба.

Удельные князья Срединного государства:

Князь Циньский Ван-Ляо, князь Чжэн (главный судья на Выставке сокровищ), Ци (второй судья), Вэй (третий судья), Цай, Янь, Чжунь-Шань, Лу, Чжао, Хань, Му.

Княгиня У-Сюнь.

Княжна Цветок Небес, дочь Циньского князя Ван-Ляо.

Бай-Ли, правитель дел Циньского княжества.

Ю, сын Бай-Ли.

Дун-Гинь, начальник стражи во дворце Циньского князя.

Генерал Ши-Хуан-Ди, начальник войска в княжестве У.

Начальник императорского двора.

И-Жэнь, предводитель разбойничьей шайки.

Слуги и служанки, тюремщики, воины, танцоры и танцовщики.

Юноши и девушки — друзья и подруги княжны Цветок Небес.

Действие происходит в столице Циньского княжества Линь-Тун-Чэне и ее окрестностях, в период наивысшего развития удельной системы в Срединном Цветущем Государстве, за 500 лет до начала нашей эры.

Действие I

Палаты Циньского удельного князя Ван-Ляо в городе Линь-Тун-Чэне. Князь, плотный мужчина среднего роста, лет 45-ти, с тяжелым и в то же время хитрым взглядом, сидит за роскошно убранным и уставленным яствами и напитками столом. Две красавицы оведают его опахалами. Музыканты играют, танцовщицы и танцовщицы танцуют перед князем. Слуга наливает ему вино.

Ван-Ляо (пьет вино и кричит). Живей, живей! Веселей! (Через некоторое время). Разве это танец? Это всё что угодно, только не танец! Не миновать этому лодырю Сюнь-Си сотни палочных ударов по пяткам. (Опять пьет вино и кричит). Еще живей, еще веселей! (Помолчав). Нет, ничего у вас не выходит сегодня. Неповоротливые животные, как смеете вы, не подготовившись как следует, являться перед княжеские очи! Всех перепорю! Вон отсюда, грязные свиньи! (В бешенстве бросает в танцующих кубок с вином. Те в страхе разбегаются. Девицам с опахалами). А вы чего тут торчите? Никакого толка нет от вашей работы! Чисто две сонные мухи... Вон отсюда, бездельницы! (Девушки бегут). Лягушки толстозадые! (Выхватывает у одной из девушек опахало и хлопает ее по спине, та визжит. Слуге). Вон! (Слуга тоже убегает. Князь ходит взад и вперед по комнате, со злобой отшвыривая ногой попадающиеся на пути предметы: табуреты, музыкальные инструменты, шелковые подушки. Потом подходит к песочным часам, стоящим на выступе печи). Так и есть. Скоро полночь. А Бай-Ли все нет и нет... Надул, обманул! Сбежал и выдал мою тайну... Ах, Лисотигр проклятый! Оказался хитрей меня. Не пожалел и сына, оставленного в заложниках. Подлинно — помесь лисы и тигра. Куда мне до него! Ах, пройдоха! Ах, негодяй! Ах, продажная душа! И ты, старый дурень... (Бьет самого себя по лицу). Ты — тоже хорош: открывшись Бай-Ли, пустить его одного, без стражи, на три дня куда-то в горы, якобы для того, чтобы посоветоваться с нужными людьми! Какая непростительная ошибка! Какой промах! Правда, я выбрал счастливый день и счастливый час для этого посольства, сжег бумажного божка, но все же это было неосторожно... Теперь Бай-Ли ползает на брюхе перед этим самонадеянным мальчишкой, императором, и тот рад, что, объединив всех удельных князей, может уничтожить самого мужественного, самого опасного из них — меня, меня, князя-ба, победителя джунов! О, конечно, это не так просто, и покряхтеть перепуганному Чун-Эру придется порядочно, прежде чем он возьмет мою столицу! Небось, ершом застряну поперек горла... Но опасность велика. Надо приготовиться к защите. Но сначала — месть, месть, месть! (Ударяет в гонг, висящий у дверей. Вбегает перегнувшийся пополам в униженном поклоне слуга).

Позвать ко мне немедленно начальника стражи! (Слуга исчезает). Клянусь всеми божествами Восьми Небес, я не намерен прощать злодея! Пускай этой пещерный волк Бай-Ли убедится, что если он способен играть словом, данным своему князю, то я, князь, слово свое держу. К тому же, нерасчетливо было бы, преследуя волка, оставить в живых волчонка, который, выросши, может стать мстителем за отца!

Подходит к столу, наливает вина в кубок и выпивает. Входит начальник стражи, мрачного вида воин, вооруженный с головы до ног.

Начальник стражи. Да благословит Небо высокородного господина!

Ван-Ляо. Мир тебе, почтенный Дун-Гинь! Послушай, мой друг, что, полночь еще не било?

Начальник стражи. Не било, но сейчас будет бить.

Ван-Ляо. Отлично! Значит, время. Ты, может быть, знаешь, Дун-Гинь, что я послал правителя дел нашего княжества Бай-Ли на три дня в отдаленный город с одним тайным и важным поручением?

Начальник стражи. Не знал. Теперь знаю.

Ван-Ляо. Вот, вот! И я добавлю, что от того, как поведет себя в этом деле Бай-Ли, зависит, в полном смысле, все: мое счастье и дальнейшее возвышение или мое несчастье и смерть. Ты понимаешь, что, отпуская Бай-Ли с таким ответственным поручением, я не мог не обеспечить себя и насчет его возвращения. Время теперь лихое, после нашествия джунов в народе еще не спокойно, сколько разбойничьих шаек развелось в лесах, люди стали ненадежны. Поэтому — кто знает? — и ближайший слуга может соблазниться, продать и улизнуть. А? Как ты думаешь?

Начальник стражи. Воин этого не сделает, высокородный господин!

Ван-Ляо (поднимая палец кверху). Воин! Да. Но Бай-Ли не воин. А потому я оставил в заложниках его старшего сына Ю. Я определенно заявил правителю дел, что если сегодня, ровно в полночь, он не вернется, то я буду считать его изменником, предателем, а сына его заколю своей рукой. Но этого мало! Когда труп мальчишки падет к моим ногам, ты возьмешь человек двадцать молодцов, отправишься с ними в дом Бай-Ли, схватишь его жену и других детей и распорядишься об отправке их на невольничий рынок, а дом бывшего правителя дел разоришь и сожжешь. Понимаешь?

Начальник стражи. Понимаю, высокородный господин!

Ван-Ляо. Что есть там ценного, возьмете себе... кроме, разумеется, наиценнейшего — ну, там, золота, алмазов, корня «жень-шень», — это ты доставишь мне во дворец. Так?

Начальник стражи. Слушаю, высокородный господин!

За сценой раздается протяжный звук гонга.

Ван-Ляо. Ага! Бьет полночь. Судьбе так угодно. Бай-Ли не вернулся — его сын погиб! (Вздымая руки к небу). Сам Нефритовый Император Небес, Высший из Высших, Всемирная Закономерность, божественный Юй-Хуан-Ди так постановил. Иди же в подземелье и немедленно приведи сюда мальчишку Ю!

Начальник стражи. Всемиловитый князь, осмелюсь доложить, что сын правителя дел очень слаб.

Ван-Ляо. Слаб! Что ж из того? Вели, в таком случае, принести его на руках! Но чтобы мальчишка был здесь, сейчас, немедленно! Иди!

Начальник стражи. Иду, высокородный господин! (Уходит).

Ван-Ляо (наливая себе снова вина и опустошая кубок). Так-то, господин Лисотигр! Изменил, перебежал к молокососу Чун-Эру? Надеешься, что император скорее сделает тебя — за измену — владетельным князем, чем я — за помощь в деле овладения императорским престолом? Ну, хорошо, погоди же ты, гнилая утроба! Пускай для чахоточного Сына Неба ты теперь — опора, любимчик, владетельный князь, для меня ты не что иное, как продажная тварь, черепашня кровь, слуга-изменник и трус! И знай, доберусь я и до твоей шкуры, не будь я Циньский князь Ван-Ляо! Узнаешь ты еще мои когти... Ну, а для начала пускай сдохнет твой щенок!

Вынимает нож и пробует лезвие. Потом выступает на середину комнаты, становится в боевую позицию и производит ряд упражнений с ножом, взмахивая им с бешеной силой и как бы поражая свою жертву. Дверь открывается, входит начальник стражи.

Начальник стражи. Ю — здесь, высокородный господин.

Ван-Ляо (пряча нож за спину). Давай, давай его сюда!

Начальник стражи отходит в сторону и пропускает вперед следующих за ним двух тюремщиков, которые ведут, вернее, влекут полубнаженного красивого юношу, видимо, находящегося в крайней степени истощения.

Ван-Ляо. Ага, вот он, змееныш! (Юноше). Ну, поди, поди сюда поближе! (Один из тюремщиков ударом кулака в шею повергает юношу ниц перед князем). Так, так... Вежливо поздоровайся! Мир тебе, прекрасный Ю! (Тюремщики снова ставят Ю на ноги). Ну, как поживаешь? Как твое драгоценное здоровье? Точно будто ты немного спал с лица? (Ю молчит).

Начальник стражи. Отвечай, когда всемиловитый князь тебя спрашивает!

Ю. Пи-ить! Пи-ить!

Ван-Ляо (притворяясь удивленным). Что-о? Пить? Да разве тебя не напоили перед тем как вести сюда?

Ю. Я... три дня... не пил... и не ел... Умоляю... во имя вашей матери: пи-ить!..

Силы окончательно покидают молодого человека, и он опускается на пол, но тюремщики тотчас вздергивают его кверху и поддерживают на ногах.

Начальник стражи. Стой как следует, негодяй, перед князем-ба! А не то я так тебя угощу кулаком, что уж больше пить не захочешь!

Ван-Ляо (Дун-Гиню). О, я вижу, ты не балуешь тех, кто находится на твоём попечении! И ты думаешь, мальчишка заслужил такое обращение?

Начальник стражи. Конечно, заслужил, высокородный господин!

Ван-Ляо. Почему же ты так думаешь, почтеннейший Дун-Гинь?

Начальник стражи. Потому что иначе он бы не попал к нам в тюрьму, высокородный господин.

Ван-Ляо. Правильное замечание! Точнее говоря, этот отвратительный ублюдок, действительно, провинился, так провинился, что он, в своей подлости, вероятно, и сам не может этого понять.

Ю. О-о!..

Ван-Ляо (не обращая внимания на восклицание-стон Ю). Отец этого змееныша, мерзкая черепаха Бай-Ли, обманул, предал меня и подло перебежал к моим врагам, чтобы вместе с ними успешнее меня погубить...

Ю. Господи-ин!..

Ван-Ляо. Да, да! Преступлению этому нет прощения, и змееныш, — конечно, во всем достойный своего отца и, вероятно, действовавший заодно с ним...

Ю. Клянусь великим Лао-Цзы, этим чистым сосудом, наполненным Дао, что...

Ван-Ляо. Молчи! (Продолжает). Змееныш должен умереть! (Тюремщикам). Держи его крепче! Я напою его сейчас напитком вечности... (Отступив на шаг, вздымает нож, с тем, чтобы вонзить его в обнаженную грудь юноши). Умри, проклятое отродье!

Вдруг откуда-то издали доносится крик: «Иду-у, иду-у!..» Рука с ножом повисает в воздухе.

Ю. Отец! Отец! Это отец! Сюда идет отец... О Небо! (Падает без чувств на пол).

Ван-Ляо (медленно опуская руку и невольно дрожа). Бай-Ли? Не может быть! Дун-Гинь, раскрой двери!

Дун-Гинь распахивает настежь двери. Крик становится слышнее: «Иду-у! Я иду-у, господин!»

Ван-Ляо. О Всевидящее Око, Повелитель Духов, Господин Неба и Земли! Это, кажется, на самом деле Бай-Ли... Я узнаю его голос...

Оба снова прислушиваются.

Голос Ван-Ляо (еще ближе). Я иду-у! Я — уже здесь, я — здесь, всемилолюбивый князь!

Начальник стражи. Да, это — господин правитель дел.

Ван-Ляо. Это — он.

Начальник стражи. Ошибки быть не может.

Ван-Ляо. Значит, Бай-Ли вернулся? Значит, он не изменил мне! О, счастье! (Прячет нож и указывает начальнику стражи на бесчувственное тело Ю). Дун-Гинь, вина! Скорее вина благородному юноше! Что ты, ослеп, что ли? Не видишь, что он — в обмороке!

Начальник стражи кидается к столу, наливает вино, расплескивая его, в чашу и, приподняв с помощью тюремщиков лежащего юношу, старается влить ему в рот вино. Тот открывает глаза. Между тем, князь бросается навстречу Бай-Ли. Они сталкиваются в дверях.

Бай-Ли (высокий, черноволосый мужчина с огненным взглядом, обычно — мрачного и неприступного вида, сейчас — бледный, запыхавшийся, в тревоге). Господин! (Распростирается ниц перед князем).

Ван-Ляо. Друг мой, Бай-Ли!

Ю (одновременно с Ван-Ляо). Отец!

Бай-Ли (сыну). Ты жив? Ты жив, дорогой Ю? (Обнимает его, но тотчас отстраняется и говорит тюремщикам). Отведите его... в тюрьму или домой, куда прикажет наш повелитель! Ю, мы поговорим позднее. Сначала — долг подданного, а потом уже — семейные дела.

Ван-Ляо (в восторге). Бай-Ли, ты — мой единственный, ты — мой лучший слуга! За то, что ты пришел, увеличиваю твое жалованье на пятьдесят брусков золота в год. Остальное — в зависимости от твоего доклада. А сынишку, конечно, домой, домой! К матери! На что он мне нужен? Дун-Гинь, проводи молодого человека да навести почтеннейшую супругу правителя дел и заверь ее в моем искреннем, неизменном благоволении! А ты, друг Бай-Ли, останься здесь и все мне доложи.

Начальник стражи. Слушаю!

Хочет уйти, но Бай-Ли задерживает его.

Бай-Ли. Прошу вас, почтеннейший Дун-Гинь, распорядиться доставить сюда, во дворец, к покоям нашего повелителя, того человека, которого я привез с собой из гор. Пусть войдет сюда, когда я ударю в гонг.

Ван-Ляо. Это что еще за человек?

Бай-Ли (значительно). Нужный человек, всемилостивый князь!

Ван-Ляо. Ну, хорошо, хорошо! Вполне доверяю тебе. Слышишь,

Дун-Гинь? Исполни все так, как желает наш правитель дел.

Начальник стражи. Все будет исполнено, господин!

Ю, начальник стражи и тюремщики уходят.

Ван-Ляо (саясь в кресло у стола и указывая Бай-Ли на другое кресло). Ну, рассказывай же, рассказывай, Бай-Ли! Я весь горю нетерпением. Додумался ты до чего-нибудь? Возможно осуществление нашего замысла? (Берясь за ручку сосуда с вином). Да не хотите ли вина, дорогой?

Бай-Ли. Нет, высокородный господин. Будет лучше, если мы обсудим наш план с трезвыми головами.

Ван-Ляо (ставя сосуд обратно). Вы правы. Так лучше. Ну, что же, начинайте!

Бай-Ли (после короткого молчания). Всемилостивый князь, вы поручили вашему покорному слуге обдумать и изыскать пути для свержения с престола нынешнего императора Срединного Цветущего Государства Чун-Эра, пустого молодого человека и неспособного воина, с целью возведения на императорский трон достойнейшего из достойных, первого князя в империи по могуществу и по величине удела, то есть вашей досточтимой особы.

Ван-Ляо (нетерпеливо). Ну, ну! Что же дальше?

Бай-Ли. Считая, что провозглашение вас Сыном Неба было бы поистине благословением Небес для всего населения империи, я обещал вам в течение трех дней предпринять все необходимые шаги для того, чтобы уяснить себе положение вещей и те меры, какими могло бы быть достигнуто выполнение вашего желания.

Ван-Ляо. Ну да! А я, со своей стороны, обещал, сделавшись императором, предоставить вам за помощь в этом деле любой из княжеских уделов, кроме моего собственного наследственного Циньского княжества.

Бай-Ли. Так. Теперь я могу доложить, что после трех дней напряженного размышления и хлопот, обдумав и взвесив все решительно обстоятельства за и против нашего предприятия и посоветовавшись с кем надо, я пришел к определенному заключению.

Ван-Ляо. А именно?

Бай-Ли. А именно, что предприятие это может быть осуществлено только при одном необходимом предварительном условии.

Ван-Ляо. Каком же?

Бай-Ли. При условии одновременного и полного истребления всех остальных удельных князей.

Ван-Ляо. О-о!..

Бай-Ли. Да, если вы не хотите напрасно бить по траве и упустить гада, то вы должны решиться на этот шаг. Судите сами. Конечно, вы — могущественнейший из всех тринадцати князей, не исключая и самого императора, как владетельного князя удела Чжоу, но зато все остальные двенадцать князей, вместе взятые, могущественнее вас, и бороться с ополчением всех князей вам одному было бы не под силу. Между тем, почуя опасность, император Чун-Эр, как он ни ограничен и ни беспечен, несомненно созовет это ополчение.

Ван-Ляо. Я уже думал об этом.

Бай-Ли. Вот видите! Следовательно...

Ван-Ляо. А какова должна быть судьба самого Чун-Эра?

Бай-Ли. Та же, что и всех остальных князей.

Ван-Ляо (после недолгого колебания). Ну, что ж, коли это неизбежно, то придется на это пойти. Но только, дорогой мой, как же это... провести?

Бай-Ли. Необходимо всех князей, строящих преступные козни против вашей особы, постараться заманить в ловушку и погубить.

Ван-Ляо. Легко сказать «заманить в ловушку»! Ну, а если князья не поддадутся на наши уловки и не явятся?

Бай-Ли. Будьте покойны! Они явятся все, и даже — по прямому повелению Тысячелетнего Господина.

Ван-Ляо. По повелению императора? Как же это?

Бай-Ли. А вот как. Слушайте внимательно, всемиловейший князь! Вам надлежит обратиться к Тысячелетнему Господину, Сыну Неба, с изложенной в самых изысканных и почтительных выражениях просьбой о разрешении устроить в столице вашего княжества Линь-Тун-Чэне, на третий день седьмой луны будущего года, великую Выставку сокровищ.

Ван-Ляо (с удивлением). Выставку сокровищ? Не понимаю!

Бай-Ли. Немудрено, потому что до сих пор никогда и нигде ничего подобного не устраивалось.

Ван-Ляо. Но что же, что это значит?

Бай-Ли. Это значит, что каждый из удельных князей должен будет, по приглашению или, вернее, по повелению императора, прибыть сюда и притом доставить, для предъявления Сыну Неба и всем остальным князьям, величайшее, чудеснейшее сокровище своей страны. Что касается самого Тысячелетнего Господина, то вы всенижайше попросите его, во-

первых, не отказать принять Выставку под свое высокое покровительство, а, во-вторых, любезно согласиться лично вручить награды тем из князей, чьи сокровища признаны будут наиболее выдающимися. О присуждении наград, и достаточно высоких, вы, конечно, тоже не преминете наперед оповестить князей, чтобы их еще более раззадорить и вернее привлечь к участию в столь редкостном празднике в Линь-Тун-Чэне. Мне не надо говорить, что и сам император, за княжество Чжоу, тоже должен предъявить какое-либо сокровище, а ему, поверьте, есть чем похвастаться: пока предки его были еще сильны, они много замечательных вещей накопили в своих дворцах.

Ван-Ляо. Еще бы! Ну-ну, продолжайте!

Бай-Ли. Важно, конечно, взять князей с наименьшими жертвами. Поэтому в приглашении, которое будет рассылаться князьям от имени Сына Неба, необходимо указать, что так как вопрос идет о поощрении искусств и наук, а не о военных играх, то личной страже князей незачем входить в город. Она может расположиться на ночлег по окрестным деревням. Это желательно, дескать, и в том отношении, чтобы неожиданное появление в городе множества чужих воинов не встревожило понапрасну мирное население столицы.

Ван-Ляо. Ловко придумано! (Смеется).

Бай-Ли. Вы напишете, что за ограду дворца, где будет происходить Выставка, из приближенных каждого князя будут допущены лишь один военный и один гражданский чин, не более. Наконец, должно быть подчеркнуто, что тот, кто ослушается повеления императора и не явится в Линь-Тун-Чэн или не доставит на выставку ценнейшего сокровища своей страны, будет рассматриваться как изменник и с ним поступят как с бунтовщиком. Вот вам ловушка и готова!

Ван-Ляо. Ну а потом, потом? Что будет потом?

Бай-Ли. Если только «великий» Чун-Эр примет ваше предложение и Выставка состоится, то ручаюсь вам, что ни он сам и ни один из прибывших сюда князей не вернется домой живым.

Ван-Ляо (меланхолично). Значит — резать? Ножи... кровь... крики... Гм!.. Двенадцать человек, да приближенные... Немного хлопотно!

Бай-Ли. Мы избежим этих хлопот. Все падут от одного удара.

Ван-Ляо. Вот коли бы так! Ну?

Бай-Ли. Надо будет раскинуть в дворцовом парке просторную нарядную палатку и в ней разместить двенадцать кресел, по числу князей, а посередине воздвигнуть императорский трон. Под тронем же и под каждым из кресел, кроме вашего, разумеется, мы поместим мешки с

порохом. Снаружи, перед входом в палатку, посадим Божье дерево — У-тун, и у его корней соединим провода, которые будут вести под землю ко всем мешкам с порохом. Понятно?

Ван-Ляо (хлопая себя по бедрам). Очень, очень любопытно! Ну, дальше?

Бай-Ли. А дальше пойдет так. Когда император и все князья, с подобающими церемониями, будут встречены, пожалуют в парк, займут свои места в палатке и каждый из них предъявит на всеобщий суд доставленное им на Выставку сокровище, я подам вам знак кивком головы. Тогда вы подыметесь и, вежливо обратившись к Тысячелетнему Господину, скажете — настолько громко, чтобы вас услышали и остальные присутствующие: «О Единственный! К сожалению, я вынужден на некоторое время покинуть собрание: у меня внезапно так разболелся живот, что просто невозможно терпеть. Прошу вас, извините меня и разрешите мне удалиться!»

Ван-Ляо. Ха-ха-ха!

Бай-Ли. Император улыбнется, милостиво наклонит голову в знак согласия, а вы, прижимая руками живот и изобразив страдание на лице, поспешно покинете палатку.

Ван-Ляо (хватаясь за живот). Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ну и Бай-Ли! Вот дока!

Бай-Ли. Я мог бы продолжить свое описание того, что произойдет потом, но думаю, что в этом особой надобности не представляется. Не правда ли, дальнейшее вам ясно?

Ван-Ляо (продолжая смеяться). Ясно, вполне ясно! Ну, а ты... а ты, Бай-Ли... ты тоже останешься... ха-ха-ха!.. там, с ними?

Бай-Ли (кланяясь). Как ни высоко я ценю счастье разделять общество Тысячелетнего Господина и сонма князей, но на этот раз я сочту своим долгом, в качестве верного слуги, сопровождать князя-ба при отбытии его из палатки.

Ван-Ляо. Ха-ха-ха! Ах, пострел! Ах, ловкач!

Бай-Ли. Позвольте только подвести итоги моего предложения. Приведя его в исполнение, вы (загибает один палец), во-первых, сделаетесь императором, во-вторых (загибает другой палец), завладеете всеми удельными княжествами и, в-третьих (загибает третий палец), окажетесь заодно обладателем всех тех, несомненно, исключительных сокровищ, которые в третий день седьмой луны будущего года свезены будут самими князьями в вашу столицу.

Ван-ляо. Да будет так! Вашими устами говорит сама мудрость. Но... одно опасение все же беспокоит меня.

Бай-Ли. Что же это за опасение?

Ван-Ляо. Опасение, как бы осуществлению нашего плана взрыва палатки внезапно что-либо не помешало, и мы...

Бай-Ли. И мы не опозорили бы себя?

Ван-Ляо. Да.

Бай-Ли. И такую несчастную возможность я предвидел, а предвидевши, принял и соответствующие меры.

Ван-Ляо. О! Что же это за меры?

Бай-Ли. Не правда ли, всемилостивый князь, при нашем опыте в делах государственных нам не надо доказывать друг другу, что неплохо было бы попытаться устроить так, чтобы все князья, и в том числе князь — владетель удела Чжоу, были отправлены к их славным предкам еще прежде, чем они соберутся в палатке?

Ван-Ляо. Вот именно!

Бай-Ли (с довольной усмешкой). Ну так я и об этом позаботился.

Ударяет в гонг. Дверь растворяется, и в комнату вваливается огромного роста рыжий детина, одетый в звериные шкуры.

Ван-Ляо (схватившись за нож). Это еще что такое?!

Бай-Ли. Не опасайтесь ничего, высокородный господин! Это — наш друг, тот самый человек, с которым я должен был посоветоваться. (Вошедшему). На колени, И-Жэнь! Разве ты не понимаешь, что находишься перед светлыми очами самого великого князя-ба?!

Вошедший кидается на колени перед князем.

Ван-Ляо. Как?! Так это — тот самый пресловутый главарь разбойничьих шаек И-Жэнь, за которым тщетно охотится моя полиция вот уже в течение двух лет?! И ты, презренный Бай-Ли, осмелился ввести это чудовище в мой дворец?! Да я... (Замахивается ножом).

Бай-Ли. Успокойтесь, всемилостивый князь! Вы видите — И-Жэнь в наших руках. Караул не выпустит его за ограду дворца. К тому же он безоружен. Он явился, чтобы повиниться перед князем-ба в своих бесчисленных преступлениях и верной службой в будущем смыть с себя позор этих преступлений... А древняя мудрость говорит: и тигр не сожрет существа, павшего перед ним в страхе и добровольной покорности! (Разбойнику). Плачь же, кайся, проси прощенья, несчастный злодей! Милосердие высокородного князя безмерно. Может быть, он тебя и помилует.

И-Жэнь (утирая кулаком глаза и стуча лбом в пол, ревет). Князь-ба... князь светлый... могучий князь Ван-Ляо! Прости! Прости!.. Виноват... Много людей перебил... но заслужу... Клянусь Восемью Небесами, заслужу!.. Перебью еще больше!.. Кого хочешь убью! Князей? Убью

князей! Императора? Убью императора! Сына твоего, жену? Убью и жену, и сына...

Бай-Ли (тряся разбойника за плечо). Молчи, болван! Что ты за чушь несешь?! Зарева-ел! (Князю). Не извольте гневаться на дикаря, высокородный господин! Совершенно обалдел от счастья перед лучезарным видением первого князя империи. Он, собственно, хотел только доложить, что, по первому же вашему слову, готов всей своей несокрушимой, богатырской силой обрушиться на любого из ваших врагов. Не так ли, *И-Жэнь*?

И-Жэнь. Ага!

Бай-Ли. Полагал бы, что для полного успеха нашего дела услуги *И-Жэня* и его товарищей могут быть всемиловейшим князем великодушно приняты. Благоволите учесть, что перед вами — первый силач и самый лихой боец нашего княжества.

Ван-Ляо (величественно). Ну так и быть! Снисходя к ходатайству нашего правителя дел, мы делаем на сей раз исключение и отпускаем презренному *И-Жэню* его прежние вины и преступления, но, разумеется, под условием полного и беспрекословного повиновения всем нашим дальнейшим распоряжениям и указаниям.

Бай-Ли (разбойнику). Благодарю, несчастный! Великий ба простил тебя.

И-Жэнь (ползая перед князем). Благодарю, благодарю... Убью, всех убью!

Ван-Ляо (с презрением). Прогони вон отсюда это животное, и докончим с тобой наш разговор!

Бай-Ли (кланяясь). Слушаю, всемиловый князь. *И-Жэнь*, выйди! Начальник караула отведет тебя в приготовленное для тебя помещение!

И-Жэнь, неуклюже пятясь, выползает из комнаты.

Бай-Ли. Итак, высокородный господин, вы видели?

Ван-Ляо. Видел.

Бай-Ли. Вы знаете, что шайка головорезов, в которой *И-Жэнь* предводительствует, пойдет за ним в огонь и в воду?

Ван-Ляо. Знаю.

Бай-Ли. И представляете себе, что произойдет, если *И-Жэня*, с его подручными, посадить в засаде близ дороги, по которой князья последуют в город, да притом шепнуть ему нужное словечко? Да пообещать им всем по двадцать-тридцать брусков серебра?

Ван-Ляо. Представляю.

Бай-Ли. И теперь верите в успех нашего предприятия?

Ван-Ляо. Верю.

Бай-Ли склоняется перед ним.

Действие II

Скалистая местность близ города Линь-Тун-Чэна. В отдалении виднеются городские стены и башни пагод. В углу налево, на авансцене, притаилась, вооруженная мечами и дубинами, шайка разбойников под предводительством И-Жэнь.

И-Жэнь. Ну, теперь держи ухо востро, ребята! Князя вот-вот выступят. Они все тут съехались, в загородном княжеском дворце, а сейчас тронутся к главным городским воротам. Так наш друг Бай-Ли все подстроил, чтобы нам можно было сразу на всех на них напасть и всех перебить.

Один из разбойников. Сколько их всего, князей-то?

И-Жэнь. Не то десять, не то двенадцать. А хотя бы и пятнадцать! От моей дубинки никто не уйдет.

Второй разбойник. И Сын Неба тоже с ними?

И-Жэнь. Нет, Сын Неба задержится во дворце. Его принесут, когда все князя займут свои места на Выставке. Таков его приказ. Только, пожалуй, долго ему ждать придется.

Второй разбойник. Так мы князей-то уколошим?

И-Жэнь. Ну да. Смотри же, ребята, как только покажется стража, налетай все на стражу и бей! Бей без пощады! А я, вот этой дубиной, начну колошматить князей. Куда им, зеленым заморышам, тягаться со мной!

Третий разбойник. Говорят, между ними есть одна баба.

И-Жэнь. И ей не миновать своей судьбы. Никому не давать пощады! Почтенный Бай-Ли сказал, что если хоть один из князей улизнет, не видать нам награды, как ушей своих.

Четвертый разбойник. Велика ли награда-то?

И-Жэнь. Объяснял вам, дурням, что по двадцать брусков серебра на брата, прощение за все прошлое и зачисление в императорское войско.

Разбойники. Ого-го, здорово! Надо постараться!

Слышны звуки приближающихся музыки и пения. Справа, из-за скалистого утеса в глубине сцены, выступает шествие: музыканты и певцы, отряд воинов и князя, попарно, в сопровождении приближенных. В ту же минуту разбойники с диким воем накидываются на стражу. Завязывается сражение. Среди князей слышны крики: «Разбойники! И-Жэнь! Беда! Спасайся, кто может!» Князя и их свита поворачивают назад и бегут. Многие из стражи перебиты, остальные оказывают слабое сопротивление. Среди них также слышны крики: «Тут сам И-Жэнь! С ними — И-Жэнь! Погибель!»

В это время раздается пронзительный женский голос: «Генерал Ши-Хуан-Ди! Генерал Ши-Хуан-Ди! Сюда, на помощь!» И через минуту — справа —

вихрем влетает на сцену блестяще одетый и вооруженный воин, в панцире и в причудливом шлеме: не давая разбойникам опомниться, он бурным натиском быстро опрокидывает и расшвыривает в разные стороны их шайку. Оправившаяся от поражения часть стражи помогает ему в его усилиях, разбойники в смятении разбегаются, и на сцене остаются только И-Жэнь со своей дубиной и генерал Ши-Хуан-Ди. Неожиданно за спиной последнего появляется также нарядно одетая, высокая, черноволосая женщина с веером в руках. Это — княгиня У-Сюнь. Слуги несут за нею паланкин, из которого она только что выступила. Княгиня с видимым восхищением наблюдает за геройскими действиями генерала.

И-Жэнь (размахивая дубинкой). Это что еще за жук с крыльями? А ну-ка, ну-ка, поди сюда! Я, так и быть, попробую обломать свою дубинку о твою башку!

Ши-Хуан-Ди. А-а, негодяй! Так это ты все подстроил? погоди же, покажу я тебе, вонючая черепаха, как нападать на князей! У-у-у!

Богатыри кидаются друг на друга. Генерал ловко уклоняется от ударов разбойничьей дубины. В свою очередь, И-Жэню удается отбивать дубиной удары генеральского меча. Иные удары обоих противников все же попадают по назначению.

Княгиня У-Сюнь (кричит). Разите, разите его, генерал!

И-Жэнь (генералу). Ползи, ползи, сюда комариная лапа! Я тебя поражу!

Ши-Хуан-Ди. Ах ты, сухой прут! Гляди, кабы сам не треснул!

Становится, однако, ясным, что сошлись достойные друг друга противники и что до решительной победы, пожалуй, не удастся довести дело ни той, ни другой стороне.

Ши-Хуан-Ди (получив сильный удар в грудь, едва не сваливший его с ног). Брат, стой! (Разбойник приостанавливается на момент). Стой! Ты, видно, потомок славных предков. Никогда в жизни не получал я такого удара, как сейчас! Никогда не встречал такого бойца! Ты дерешься, воистину, как лев. Прекрасно, славно дерешься! Наконец-то я напал на бойца, равного себе. Просто — упоенье! Вот бы почаще! (Снимает шлем и вытирает пот со лба).

Княгиня У-Сюнь. Ах, что вы делаете, генерал! Не снимайте шлем, не снимайте шлем! Он размозжит вам череп своей дубинкой!

Ши-Хуан-Ди. Не вмешивайтесь в это дело, высокородная госпожа! Вам этого не понять. Вы — женщина. Мы — мужчины. Сегодня — праздник для меня. (Разбойнику). Слушай, ты... как тебя звать? И-Жэнь, что ли?

И-Жэнь (тупо). Ну да, И-Жэнь. Не подходи, не подходи! (Замахивается дубинкой, княгиня визжит).

Ши-Хуан-Ди (машет рукой). Брось! Я и не думаю на тебя нападать. И-Жэнь, послушай! Я горел злобой, как шакал, и хотел убить

тебя, а теперь, сознаюсь, мне хочется пожать тебе руку. Веришь ты этому или нет?

И-Жэнь. Отчего не верить? Верю.

Ши-Хуан-Ди. А коли веришь, так смотри... (Отбрасывает в сторону свой меч).

Княгиня У-Сюнь. Ах! (Закрывает, в ужасе, лицо руками).

Ши-Хуан-Ди. Сделай и ты так!

И-Жэнь. Гы-гы! Вот так здорово! Ну, что ж? Гляди! (Отбрасывает далеко дубину).

Ши-Хуан-Ди. Благородное сердце! И это ты-то — разбойник?

И-Жэнь. Ну да.

Ши-Хуан-Ди. Да как же тебе не стыдно, дружище? На что ты растрчиваешь свою богатырскую силу? Тьфу! Да ты бы мог быть первым воином в войске любого из князей Поднебесной Империи, ходил бы в золоте и в шелку, и все встречные бы тебе низко кланялись!

И-Жэнь. Гы-гы! Врешь!

Ши-Хуан-Ди. Вру? Так слушай же! Вот перед тобой я — генерал Ши-Хуан-Ди, начальник войска в княжестве У — знаешь, там, у низовьев Ян-Цзы-Цзяна, с главным городом Мэй-Ли. А это — моя повелительница, владетельная княгиня У-Сюнь, Сияющее Счастье. Не чистую ли правду говорю я, всемилостивая княгиня?

Княгиня У-Сюнь. Да, да, мой генерал.

Ши-Хуан-Ди. И не правда ли, что в том, что касается устройства войска и управления им, вы доверяете мне всецело?

Княгиня У-Сюнь. О да, мой генерал! Ибо такой военачальник, как вы, может быть только мечтой каждого князя.

Ши-Хуан-Ди (разбойнику). Слышишь? Так вот, я говорю тебе, что я тебя сию же минуту — вот тут, как мы стоим с тобой на этой дороге, — зачисляю вторым начальником в свое войско, если только ты откажешься раз навсегда от своего позорного ремесла! Что ты на это скажешь?

Между тем, уцелевшие солдаты и придворные, а также князя показываются понемногу из разных углов сцены и подтягиваются к центральной группе, которую образуют разбойник, генерал и княгиня У-Сюнь. Князя — впереди, придворные и стража — за ними.

И-Жэнь. Вторым начальником? Гы-гы!

Ши-Хуан-Ди. Да, И-Жэнь! На двадцать брусков золота ежемесячного жалованья... Правда, тебе не хватает образования, но я сам займусь с тобой всеми восемнадцатью видами военного искусства: обхождением с мечом обоюдоострым, мечом кривым, копьем долгим, копьем с

загибом, четырехгранным билом, молотком, цепью, луком, ножом с долгой рукоятью — ну, словом, всем чем нужно. А тогда — держись, враги! Ведь я не дурак и вижу, что если ты подучишься, да мы с тобой заключим союз, да впредь будем сражаться только заодно, плечом к плечу, так никакой дьявол не устоит против этой пары, а не то что человек!

И-Жэнь. Что правда, то правда.

Ши-Хуан-Ди. Ну, вот видишь, и ты это признаешь! Так что же, идет? Вот тебе моя рука!

И-Жэнь. А вот моя. (Протягивает руку генералу, которую тот крепко пожимает).

Княгиня У-Сюнь (хлопая в ладоши и весело смеясь). Отлично, отлично! Оба, оба мои!

Ши-Хуан-Ди (склоняясь перед княгиней). Оба — верные слуги княжеского престола.

И-Жэнь (взволнованный и довольный). Я... я рад... Спасибо тебе, генерал! Спасибо! И светлой княгине — тоже спасибо! (Кланяется в землю). Никто, никто не устоит против нас! (Генералу). Драться мы с тобой оба здоровы... Послужу честно, хорошо послужу! Надоело мне разбойничать, душу воротит! И что за радость? Ежедневно мучаешься, как собака над костью, да еще люди проклинают тебя... А я... я... такой же человек... (Трет кулаком глаза).

Ши-Хуан-Ди (хлопая его покровительственно по плечу). Ладно, ладно! Послужим, брат, верно и храбро княгине!

И-Жэнь. Брат!.. Какой я тебе брат?! Зверь, скотина я!

Ши-Хуан-Ди. Полно, полно!

И-Жэнь. Да, скотина, продажная тварь! Ты мне руку подаешь... на службу определил, а я... я зло замышлял против тебя... И тебя, и княгиню пресветлую, и всех князей Ван-Ляо велел известить... Да! Я, дурак, и старался!

Ши-Хуан-Ди. Какой Ван-Ляо? Что ты за околесицу несешь?

И-Жэнь. Нет, не околесицу! Уж коли ты меня за брата принимаешь, так я тебе все скажу. Бойся князя Ван-Ляо! Это он меня послал сюда, с моими людьми, в засаду. Ему, вишь, надо было, чтобы я всех вас перебил, как щенят, всех князей. Ни один, говорит, и ни княгиня эта (указывает на княгиню) твоей дубины миновать не должны... И не миновали бы, кабы не ты!

В окружающей толпе князей, придворных и охраны — волнение и возгласы ужаса и недоверия: «Князь-ба? Князь Ван-Ляо? Невероятно! Не может быть! Это — ложь!»

Ши-Хуан-Ди (строго). Послушай, дорогой, ты плети-плети, да не забывайся! Ты не понимаешь, какие ты страшные слова произносишь. За такую неслыханную клевету на славного князя-ба ты и голову сложить можешь!

И-Жэнь. Клевету? Какую клевету? *И-Жэнь* не врет, а коли он говорит, что не врет, так, значит, не врет. Уж если на то пошло, так я вам еще и не то скажу. Мне правитель Бай-Ли все открыл. Бай-Ли с князем заодно. Он и со мной заодно: я всю свою добычу с ним пополам делил. Оттого полиция и поймать меня не могла... Да!

Ши-Хуан-Ди. Что же открыл тебе Бай-Ли?

И-Жэнь. Только защити меня перед Сыном Неба! Я тебе все скажу.

Ши-Хуан-Ди. Ну-ну, говори!

И-Жэнь. Я, говорит, всех этих мерзавцев и мерзавок изведу, князей, то есть. Они, говорит, на князя моего злоумышляют... (Возгласы в толпе). Да. А коли, говорит, ты сплосаешь, так я их всех, и с императором вместе, все равно в палатке изведу, где Выставка будет. (Новые возгласы). Как же, говорю, ты их изведешь? А вот как, отвечает, я, говорит, под каждого из них — под сиденье, значит, — мешок с порохом подложу, а провода от этих мешков выведу под землей за палатку да вдруг и запалю. Они, говорит, и взлетят все на воздух, со всеми потрохами. А что с собой привезут, моему, говорит, князю достанется... (Возгласы ужаса и удивления). Да. «Ну, а как князь-то твой — тоже на воздух полетит?» — говорю. Нет, отвечает, он, перед тем как я провода поджигать стану, из палатки выйдет: скажет, что ему до ветру надо...

Возгласы: Фуй! Позор! Только презренный Лисотигр Бай-Ли, мог придумать такую гнусность!

Ши-Хуан-Ди. Но чем ты докажешь свои слова, несчастный? Без веского доказательства тебе никто из нас не поверит и поверить не может!

И-Жэнь. Коли и ты, брат, не веришь, так вот, на... гляди! (Вынимает из-за пазухи и подает генералу драгоценные, вышитые шелками и золотом перчатки князя-ба Ван-Ляо). В залог мне князь дал перчатки-то эти...

Крик ужаса в толпе. Все теснятся и хотят видеть перчатки.

Ши-Хуан-Ди. Позвольте, позвольте! Не теснитесь, господа! (Подымает высоко над головой перчатки). Высокородные господа, всемилостивые князья, кто из вас видел когда-нибудь эти перчатки на князе Ван-Ляо?

Голоса князей и толпы. Я! Я! Я тоже видел!

Княгиня У-Сюнь. Я не только видела, но сам князь-ба объяснял мне значение изображений на вышитом здесь родовом знаке.

Ши-Хуан-Ди (после минутного молчания, очень серьезно). В таком случае, дело ясно. Злой умысел исходил от «гостеприимного» князя — хозяина этого города. Приглашая всех вас на Выставку сокровищ, он, по видимому, действительно ставил себе только одну цель: ограбить и умертвить вас. А если правда, что ту же участь злодей готовил и нашему верховному повелителю, великому Сыну Неба, то очевидно, что он сам решил захватить императорский трон.

Все (в волнении). Ужасно! Чудовищно! Неслыханно!

Князь Чжэн (солидный, представительный, спокойный мужчина лет 50-ти). Но что же, господа, всем нам теперь делать?

Княгиня У-Сюнь. Да что же нам делать? Генерал, скажите!

Все князья (устремляясь к генералу). Да, да... Генерал, скажите! Подайте совет, почтенный генерал! Храбрый генерал, выручите нас!

Ши-Хуан-Ди (кланяясь на все стороны). Рад служить всемилостиво-му князю!.. Покорный слуга высокородного господина!.. (Приостановившись, в задумчивости). Положение, действительно, чрезвычайно ответственно. Мое мнение...

Все. Да, да, ваше мнение?

Ши-Хуан-Ди. Мое мнение таково, что бежать, как зайцам, было бы для нас... т.е. для вас, высокородные господа, зазорно.

Князь Чжэн. Положим.

Ши-Хуан-Ди. Так что отступать не следует. С другой стороны, войска с вами нет, и на силу тут рассчитывать нельзя. Приходится, стало быть, действовать хитростью.

Князья. Да, да, хитростью! Хитростью — лучше всего!

Ши-Хуан-Ди. Главное, нам... я хотел сказать — вам всем... надо во что бы то ни стало сохранить свое лицо! Иначе — что будет говорить народ?

Князь Чжэн. Сохранить свое лицо — очень важно.

Ши-Хуан-Ди. Вот! А поэтому я предлагаю: притвориться, что мы о намерениях князя-ба ровнехонько ничего не знаем, и явиться в срок на открытие Выставки сокровищ.

Княгиня У-Сюнь. Но он нас взорвет!

Ши-Хуан-Ди. Не взорвет. Будьте покойны! В моей голове имеется определенный план. Погибнем не мы — погибнет преступный и жестокий князь Ван-Ляо со своим не менее преступным и жестоким правителем Бай-Ли!

Князь Ци (жирный, пожилой). О, это было бы прекрасно!

Князь Чжао (воинственный, горячий). Отомстим, отомстим Ван-Ляо!

Князь Вэй (щеголеватый, сухопарый). Легко говорится, но...

Ши-Хуан-Ди (круто повертываясь к князю Вэю). Но трудно делается, всемилостивый князь? И, однако, вы были сейчас свидетелем картины, которая показывает, что ваш покорный слуга способен не только на слова, но и на кое-какие действия.

Князья. Да, да... Генералу Ши-Хуан-Ди можно доверять во всем. Он делает еще лучше, чем говорит. С таким героем никто из нас не пропадет. Он спас нам жизнь. Генерал Ши-Хуан-Ди всегда найдется и постоит как за себя, так и за нас. Доверие, доверие генералу Ши-Хуан-Ди!

Князь Вэй. Никто не может доверять доблестному генералу больше, чем я!

Ши-Хуан-Ди (кланяясь на все стороны). Благодарю! Нижайше благодарю!

Князь Чжэн. Итак, скажите же, генерал, что именно, по вашему мнению, должны мы предпринять.

Ши-Хуан-Ди. По моему скромному мнению, высокородным господам надлежит немедленно возобновить, в прежнем порядке, свое шествие в город. Иначе мы опоздаем к положенному часу.

Князь Чжэн. А что делать в городе?

Ши-Хуан-Ди. А в городе вас торжественно встретят, вы войдете в палатку, займете свои места и будете ожидать императора... Да! (Подымает палец кверху). Кто-нибудь из всемилостивых князей должен будет вернуться к Сыну Неба и рассказать ему о задуманном преступлении и о нашем плане.

Князья. Да, да! Это правда. Конечно, надо посвятить Сына Неба в этот заговор. Кто бы сделал это? Кого просить?

Князь Вэй. Будем просить князя Чжэна.

Князья. Да, да! Князя Чжэна, князя Чжэна.

Князь Ци. Князь Чжэн прекрасно сделает это.

Князь Чжэн. Ну, что ж. Если благородные князья уполномочивают меня, я вернусь к императору.

Ши-Хуан-Ди. Отлично. Вы с императором и вступите торжественно в палатку. Ну, а затем...

Все. Да, да, что же затем?

Ши-Хуан-Ди. Затем состоится открытие Выставки, осмотр сокровищ. А как только князь-ба, действительно, ускользнет, под каким-нибудь предлогом, из палатки, я взрежу ее полу вот этим ножом, и вы,

вместе с императором, тотчас выйдете через образовавшуюся дыру вон! Сокровища ваши, конечно, захватите с собой.

Князь Янь (старичок). Почтенный генерал, вы разрешите мне тогда пройти первым? Мне 79 лет, и я не обладаю прыткостью молодого человека.

Ши-Хуан-Ди. Не смею ни разрешать, ни запрещать, всемилостивый князь. Ваша светлость свободны во всех своих действиях, как и другие благородные князья.

Князь Вэй. А что же будет после того, как мы покинем палатку?

Ши-Хуан-Ди. После? После вы опять поступаете все под мою защиту!

Князь Вэй. Хорошо. Готов следовать за вами.

Ши-Хуан-Ди. Тронут доверием вашей светлости. Надеюсь, что и другие...

Княгиня У-Сюнь (пылко). Я, по крайней мере, всегда там, где... (Смутившись). Я присоединяюсь к вам, князь Вэй!

Князья. И я! И мы! И мы тоже присоединяемся! Идемте же в палатку, на Выставку! Генерал Ши-Хуан-Ди, ведите нас! Мы последуем всем вашим указаниям!

Ши-Хуан-Ди (низко кланяясь). До глубины души тронут доверием мудрых правителей Срединного Цветущего Государства и приложу все старания к тому, чтобы оказаться этого доверия достойным!

Княгиня У-Сюнь (обращаясь к Ши-Хуан-Ди). Вы очаровательны как всегда, генерал!

Ши-Хуан-Ди (склоняясь перед княгиней). Верный слуга княжеского престола! (Князю Чжэну). Всемилостивый князь с тремя провожатыми вернется назад.

Князь Чжэн. Спешу. (Уходит).

Ши-Хуан-Ди (оборачиваясь к страже, энергично). Воины, слушай приказ! Немедленно разделиться на три отряда! Первый отряд заберет И-Жэня, отведет его в ближайший дом, выселит владельцев и до вечера посадит нашего приятеля под замок! (Разбойнику). Уж не посетуй, И-Жэнь! Так надо. Ван-Ляо не должен знать, что ты перешел на нашу сторону. Денек потерпи, а вечером я сам приду и освобожу тебя. (И-Жэнь покорно кивает головой). Дубинку оставь при себе, а вот перчаточки княжеские уж я, с твоего дозволения, заберу с собой: они мне пригодятся!

И-Жэнь. Бери, бери!

Ши-Хуан-Ди. Так. (Воинам). Вперед! (Первый отряд, уводя И-Жэня, уходит). Второй отряд останется тут, чтобы похоронить убитых и подо-

брать раненых, вызвать лекаря, носильщиков и, словом, позаботиться о тех, кто пострадал за нас. О награде для них и для их семей я уж потом похлопочу. За работу, живо! (Воины второго отряда расходятся, некоторые из них наклоняются к лежащим и исследуют их состояние). Вы, воины третьего отряда, стройся! Музыканты, вперед! Запевай песню! (Воины строятся. Князьем, почтительно). Всемиловитые князья, высокородная княгиня, благоволите следовать в парк славного князя-ба Ван-Ляо на открытие первой в мире Выставки сокровищ!

Князья, установившись попарно, торжественно выступают вслед за музыкантами.

Княгиня У-Сюнь (усаживаясь в паланкин, генералу). Блестяще! Изумительно! Неподражаемо!

Ши-Хуан-Ди (склоняясь перед княгиней). Верный слуга княжеского престола!

Оба включаются в шествие.

Действие III

Внутренность огромной палатки императорского оранжево-желтого цвета, с вышитыми изображениями черных драконов. Прямо — вход. Направо, на возвышении, под балдахином, трон императора. Против трона, вдоль стен, двенадцать кресел для князей. Посредине палатки *дин* — высокий, массивный бронзовый треножник для воскуривания благовоний; легкий дымок подымается над ним. Пол устлан коврами. Звуки мелодической музыки.

Палатка полна людей, ожидающих прибытия императора: здесь — все князья, кроме Чжэна и Ван-Ляо, княгиня У-Сюнь и придворные, в том числе генерал Ши-Хуан-Ди. Князья частью восседают чинно в креслах, частью беседуют между собой стоя, группами по два и по три человека. Придворные либо стоят за креслами своих князей, либо разговаривают, сходясь отдельными маленькими группами и опять расходясь. В руках у некоторых из них — большие и малые таинственные свертки, укутанные в разноцветные шелковые ткани: это — доставленные на выставку сокровища. В дальнейшем ходе действия свертки постепенно раскрываются и драгоценности вручаются самим князьям для предъявления собранию.

Разнаряженный Бай-Ли переходит от одного лица к другому, от группы к группе, усиленно кланяясь и приветствуя как князей, так и придворных, согласно обычаю — кругообразным помахиванием перед грудью, от себя вперед, сложенными вместе пригоршнями рук. Те отвечают таким же образом. Сюда присоединяется и словесный обмен любезностями: «Да благословит Небо ваше прибытие!.. От души радуюсь нашей встрече!.. Как ваше драгоценное здоровье? Благодарю вас, вполне удовлетворительно!.. А как здоровье ваших уважаемых родителей? Здоров ли ваш многообещающий наследник? Благодарение Небу, в семье моей все в порядке!..»

Справа, на авансцене, стоят: князь Вэй, князь Ци и князь Лу (молодой человек).

Князь Вэй (тихо). А вы заметили, что когда князь-ба читал свое первое приветствие Сыну Неба, руки у него дрожали и лицо покраснело?

Князь Ци. А глаза бегали, как у пойманного воришки. Еще бы не заметить!

Вэй. Знаете, у меня при этом мелькнула даже странная мысль в голове.

Ци. Что же за мысль?

Вэй. Мысль о том, что, может быть, все-таки у князя Ван-Ляо тоже есть совесть?

Ци и Лу. О нет, нет! Это — нет. Это исключено!

Вэй. Я и сам тотчас ответил себе, что это невозможно.

Князь Лу. Ну, а такой мысли, что совесть может иметься и у Бай-Ли, у вас не появлялось?

Чжэн. Нет, не появлялось.

Все трое смеются.

Князь Цай (живой, маленький, сухонький, востроносый, подходя к Бай-Ли, находящемуся на левой стороне авансцены). Как великолепно задумана и проведена была торжественная встреча императора у городских ворот, господин правитель дел! (Бай-Ли кланяется). И какую прекрасную речь произнес князь-ба!

Бай-Ли. Мой повелитель всегда преклонялся перед обаятельной личностью Тысячелетнего Господина.

Князь Янь. А как чудно украшены город и сад! Сколько фонариков, знамен, золотые мостики, обезьяны и павлины в кустах, черные лебеди на пруду... Право, я давно уже не присутствовал на таком великолепном празднестве!

Бай-Ли (кланяясь). О, вы слишком любезны, высокородный господин!

За сценой раздаются приветственные клики. Музыка становится громкой и торжественной. Входит начальник императорского двора.

Начальник двора. Сын Неба!

Все поспешно занимают свои места: князя перед креслами, придворные за спинками кресел, начальник двора становится по правую сторону от входа, Бай-Ли по левую. Полы палатки широко распахиваются, и входит император Чун-Эр, сопровождаемый князем-ба, князем Чжэном и небольшой свитой. Все присутствующие, не исключая и князей, prostираются ниц перед императором, который, между тем, проходит вперед и подымается на ступени трона. Начальник двора и свита следуют за императором и размещаются направо и налево от него по ступеням трона. Ван-Ляо становится перед своим креслом, ближайшим к трону.

Император Чун-Эр (молодой человек с продолговатым бледным лицом, в роскошном шелковом одеянии). Сердечно приветствуем вас, высокочтимая княгиня, славные князья и господа! Да святится имя Великого Нефритового Императора Небес, Повелителя Миров, Превознесенного надо Всем Юй-Хуан-Ди!

Садится на трон. Все поднимаются на ноги.

Ван-Ляо. Да подаст Небесный Двор здравие и благоденствие своему светлому избраннику, Тысячелетнему Господину, Сыну Неба, великому, благословенному Чун-Эру!

Все. Да здравствует Тысячелетний Господин! Слава Сыну Неба!

Чун-Эр милостиво кланяется и просит жестом садиться. Князья, помахав, как обычно, пригоршнями рук перед грудью, опускаются в свои кресла.

Император (начальнику двора). Прошу почтенного начальника двора огласить наше провозглашение.

Начальник двора (читает). «Высокородная княгиня, славные князья и господа! По просьбе нашего друга и любезного хозяина этого города, князя-ба Ван-Ляо, мы разрешили устройство в Линь-Тун-Чэне великой Выставки сокровищ и предложили вам принять в ней участие. Вы мудро поступили, откликнувшись на наше предложение и пожаловав в столицу славного Циньского княжества. Без сомнения, прибыли вместе с вами и величайшие сокровища ваших стран. Мы сочли за благо поручить почтенному князю-ба, совместно с избранными вами судьями — князьями Чжэн, Ци и Вэй, оценить доставленные на выставку сокровища. (Ван-Ляо и названные князья, кресла которых следуют непосредственно за креслом князя, поднимаются и кланяются, сначала — императору, а затем — всему собранию, с неизменным помахиванием руками перед грудью). Того, кому присуждена будет высшая награда, мы пожалуем знаком особого нашего благоволения, а именно: наградим малой императорской печатью, чтобы показать, как близко принимаем мы к сердцу дело развития искусств и наук в нашем государстве. Обладание малой императорской печатью не только обеспечивает полную неприкосновенность личности ее владельца, но и дает ему право жизни и смерти по отношению к любому из граждан Поднебесной Империи, без испрашивания предварительного согласия с нашей стороны».

Движение и возгласы восхищения среди князей.

Император. Итак, объявляем Выставку сокровищ открытой и предлагаем высокородным князьям и княгине предъявить нам, судьям и всему собранию привезенные сокровища! Прошу вас, князь-ба, любезно принять на себя руководство порядком выступлений.

Ван-Ляо (подымаясь и низко кланяясь перед императором). Воля Тысячелетнего Господина для меня священна. Разрешите же, о Единственный, почтительнейше просить вас, от имени всех присутствующих славных князей, не отказать выступить первым с предъявлением сокровища — в качестве исконного владельца славного княжества Чжоу!

Император. Ну что ж! Кажется, заботливый начальник нашего двора, действительно, приготовил какой-то пустячок из родовых наших сокровищ, который мог бы, пожалуй, до некоторой степени заинтересовать присутствующих. Прошу вас, почтенный Сян-Цзы! (Начальник двора почтительно подает императору драгоценный пояс). Вот, славные князья и княгиня, древний *лань-тянь-дай*, небесно-голубой пояс, изготовленный в старину еще для деда моего прадеда. Как видите, он весь усыпан огромными бриллиантами небесно-голубого цвета. О вещественной стоимости пояса, конечно, говорить не приходится: она не поддается оценке. Прекрасную же художественную работу вы можете оценить сами.

Начальник двора. Я позволил бы себе добавить, что главная ценность пояса заключается в его волшебном свойстве: предупреждать своего владельца — потемнением камней до цвета лилово-багрового — о всякой грозящей ему опасности: о нападении разбойников, о грабеже, о наводнении.

Император. Сейчас, как вы видите, камни его светлы — светел и я! (Улыбается). Пожалуйста, князь, предъявите мой пояс судьям!

Князь Ван-Ляо принимает пояс из рук императора и подносит его судьям. Те, в восторге, качают головами, ахают и восклицают: «Прекрасно! Удивительно! Замечательно!» То же впечатление производит пояс и на остальных князьях. Эта сцена повторяется затем при предъявлении собранию других сокровищ.

Ван-Ляо (императору). О Великий Сын Неба, мы не находим слов признательности за великодушное ознакомление ваших верных слуг с волшебным, и по красоте, и по своим свойствам, поясом! (Поворачивается к князьям). Покорнейше просим повелительницу удела У, несравненную княгиню У-Сюнь, Сияющее Счастье, предъявить Тысячелетнему Господину и князьям свое сокровище.

Княгиня У-Сюнь. Но не принадлежит ли законное право выступить первым после Тысячелетнего Господина самому князю-ба?

Ван-Ляо. О нет, нет! Сегодня я — только слуга моих высоких гостей. Все мои права переносятся на них и, прежде всего, на прекрасную княгиню. Я же выступлю потом, в конце, последним, самым последним... если, разумеется, наш верховный повелитель разрешит и мне выступить!

Император. Конечно! Это — ваше неотъемлемое право.

Ван-Ляо. Благодарю, благодарю, о Единственный! Итак, мы все просим высокородную княгиню.

Княгиня У-Сюнь. Ах, я все-таки хотела бы помедлить! Признаться, я нахожусь под столь чарующим впечатлением от дивного пояса, предьявленного Тысячелетним Господином, что пока еще просто не могу собраться с мыслями и начать думать о чем-нибудь другом. Прошу великодушно разрешить мне выступить немного попозже!

Ван-Ляо. Но всем нам было бы очень приятно...

Император (прерывая Ван-Ляо). Желание княгини — закон. Мы ничего не имеем против того, чтобы высокородная княгиня выступила тогда, когда она сама пожелает.

Княгиня У-Сюнь (склоняясь перед императором). Вы бесконечно милостивы, о Единственный!

Ван-Ляо. В таком случае, будем просить достопочтенного князя Чжэн!

Князь Чжэн (принимая сокровище из рук одного из своих приближенных). О Единственный! Высокое собрание! Перед вами — жемчужина *е-мин-чжу*, огромная и ни с какой другой не сравнимая по красоте формы. Ночью она сияет таким ярким фосфорическим светом, что, имея ее в руках, я не нуждаюсь в фонаре. Это — такая же правда, как то, что ваш покорный слуга находится перед вами.

Ван-Ляо. Достопочтенный князь Ци!

Князь Ци (подымаясь). Этот скромный на вид темный ящик, который я держу в своих руках, обладает удивительным свойством. Он называется: «Ящик, исполняющий желания». Да, да... «Ящик, исполняющий желания»... Таинственное же свойство этого ящика заключается в том, что положенная в него вкусная пища никогда не портится. Это — удивительный ящик!

Ван-Ляо. Достопочтенный князь Вэй!

Князь Вэй. Взгляните, о Единственный, княгиня, высокородные князья! Вот платье, чудное пурпурно-розовое платье старинного шелка! Особенность этого платья состоит в том, что если я его надену ночью, то оно вдруг начинает светиться ярким огненно-красным светом. Правда, не всегда. Нет, не всегда! Этого я не отрицаю... (С таинственным видом). Оно светится только в том случае, если неприятель собирается напасть на стоянку моих воинов или на одну из моих крепостей, или если какой-нибудь вертопрах позволяет себе приблизиться к моей жене менее, чем на полчаса пути. Слыхали ли вы о чем-нибудь подобном? О, конечно, не слыхали!

Ван-Ляо. Князь Чжунь-Шань! Покорнейше просим!

Князь Чжунь-Шань (длинный, черный, мрачный, с медленными движениями и глухим голосом). Тысячелетний Господин и всё высокое собрание видят перед собой драгоценную нефритовую вазу. Но не в ценности материала ее подлинное значение. Ваза эта — волшебная. Цветы, помещенные в ней, никогда не вянут. Но и это не все! У моей вазы есть еще другое жуткое свойство, о котором я, признаюсь, не люблю упоминать и, если делаю это, то только в исключительных случаях, как сегодня. Итак, о Единственный, если в том доме, где стоит эта ваза, какого-нибудь человека кликнут, позовут, а он нетерпеливо и с досадой, да при том трижды, откликнется, — скажем, так: «да, да, да!» или «сейчас, сейчас, сейчас!» — то душа его, увы, тотчас покидает тело и превращается — во что бы вы думали? — в один из цветков в этой вазе.

Князь. О-о!.. Ах!.. Удивительно!.. Неслыханно!..

Князь Чжунь-Шань (продолжая). Нечто поразительное, страшное, но, тем не менее, неизменно повторяющееся! И не понятна ли теперь Сыну Неба, высокочтимой княгине и господам та совершенно особенная, исключительная живучесть волшебных цветов в этой вазе, о которой я говорил? Они живут не своей, а чужой жизнью.

Ван-Ляо. Достопочтенный князь Цай!

Князь Цай. Мое сокровище — очень скромно, однако ж — любопытно. Его оценит особенно тот, кто, как я, увлекается литературными занятиями. Вот эта палочка наполнена прекрасным черным лаком для писания иероглифов, причем лак этот никогда не иссякает и запас его не нуждается в пополнении. Я так счастлив, что могу писать много, много, много!

Ван-Ляо. Прошу покорно князя Лу предъявить свое сокровище!

Князь Лу. Почтенный князь Чжэн предъявил высокому собранию интересную жемчужину. Должен сказать, что жемчужину привез и я. Вот она! (Показывает). Называется она *пи-чжэнь-чжу*: «жемчужина, отражающая пыль». Кто ее носит, к тому никакая пыль не пристает.

Князь Янь. И у меня, и у меня — жемчужина! *Пай-шуй-чжу* — «жемчужина, отражающая воду». Владелец ее никогда не утонет!

Князь Вэй. Даже если бы хотел?

Князь Янь (убежденно). Даже если бы хотел!

Все. Замечательно! Удивительно!..

Император (с легкой иронической усмешкой). Какой чудный жемчуг в Империи Четырех Морей! Я просто преисполняюсь гордости за свое отечество. Ну, а что предложит нам наш храбрый князь Чжао?

Князь Чжао (мужественный, полнокровный, решительный). Меч! Да, я предложу меч: *лун-цзянь* — «меч драконова источника». Не говоря о том, что мечом этим я поотсекал головы многим-многим врагам великого, благословенного Сына Неба, есть у него и еще одно, не менее замечательное свойство: будучи повешен у дома хозяина, он прогоняет злого духа, а если на дом нападут разбойники, то сам выскакивает из ножен и крошит подлецов, как огурцы!

Князь Хань (состарившийся полководец). Ах, если бы к мечу почтенного князя Чжао да прибавить мое знамя! Войска ваши, о Единственный, были бы непобедимы. (Развертывает знамя). С этим знаменем можно идти на неприятеля, недостижимого для меча, и вырвать у него душу: враг умирает, еще не будучи побежден. Вот какое знамя! Так оно и называется: «Отделяющее душу от тела...»

Князь Му. Перед входом в эту палатку, у чудного Божьего дерева привязан мой боевой конь. Вы, конечно, не преминули полюбоваться им, когда входили сюда. Конь этот — не простой. Это — «тысячеверстный конь». На нем можно за день проскакать тысячу верст. Пусть выступит тот, кто обладает чем-либо подобным!

Княгиня У-Сюнь (неожиданно). О Единственный! Я желаю выступить!

Император. Прошу вас, княгиня!

Княгиня У-Сюнь. Тут нам показывали много чудесного и прекрасного, так что не трудно предвидеть, как тяжела будет задача судей... Признаться, будь я сама в их числе, я охотнее всего подала бы свой голос за...

Ван-Ляо (перебивая). Простите, высокородная княгиня, поскольку, однако, вы не изволите принадлежать к составу судей, вы не можете и высказывать открыто свое мнение. Это было бы, во всяком случае, не по правилам.

Княгиня У-Сюнь (возмущенно, императору). О великий Сын Неба, неужели вам угодно, чтобы я всегда поступала только по правилам?!

Император. Конечно, конечно, нет, княгиня! Извольте продолжать вашу речь!

Княгиня У-Сюнь (склонившись перед императором). Так вот, я лично с особым удовольствием подала бы свой голос за удивительный бриллиантовый пояс, любезно предъявленный великим нашим повелителем. Это такое чудо, такое чудо, что я... я просто сказать не могу! Ах, я, кажется, отдала бы все свое княжество за счастье обладать таким поясом!

Император. Благоволите считать его своей собственностью, княгиня! Сокровищница наша от этого не станет беднее, а вам и вашему государству мы имеем случай выказать таким образом свое особое благоволение.

Княгиня (снова склоняясь перед тронем и помахивая пригоршнями рук перед собою). Слова Тысячелетнего Господина — как голос Самого Всевышнего надо мной. Великий Сын Неба делает меня на всю жизнь счастливейшей из женщин!

По знаку императора начальник двора подносит княгине пояс. Приняв пояс с выражением величайшего восхищения, она надевает его на себя.

Голоса князей. О, какой чудный подарок! Какое великодушие! Счастливая княгиня! Да здравствует Тысячелетний Господин! Слава Сыну Неба!

Император (княгине). Однако, я предполагал, княгиня, что вам угодно было предъявить сейчас и ваше сокровенное сокровище?

Княгиня. Именно таково мое намерение, и, с разрешения Тысячелетнего Господина, я продолжу свою речь. Меня удивило, что среди предъявленных сокровищ не было поистине величайшего: совершенного человека. Лошадь была, а человека не было... Конечно, я не говорю о совершенстве во всех отношениях — оно доступно лишь небожителям, но хотя бы о совершенстве в одном каком-либо отношении. Княжество мое мало и бедно, и до нынешнего дня (указывает на императорский подарок — пояс) никаких особо ценных сокровищ в нем не обреталось. Не будет ли мне поэтому дозволено представить Сыну Неба и всему высокому собранию, в качестве величайшего сокровища княжества У, присутствующего здесь героя и богатыря, начальника моего войска генерала Ши-Хуан-Ди?

Генерал выступает вперед и повергается ниц перед императором. Неожиданно все князья, не исключая и судей, но кроме Ван-Ляо, поднимаются с мест и восторженно приветствуют генерала. Голоса: «Да здравствует доблестный генерал Ши-Хуан-Ди!.. Это первый силач в Поднебесной Империи!.. Он победил И-Жэня!.. Он сохранил всем нам жизнь!.. Он спас нас от разбойников!..» Генерал остается недвижим.

Княгиня У-Сюнь. Еще одно слово! Оговариваюсь, что я вовсе не ишу награды для самой себя. Если бы на Выставке нашей генерал оказался победителем, то и малую императорскую печать, по-моему, справедливо было бы присудить ему самому. Не лошадь же он, в самом деле, и не жемчужина какая-нибудь!

Голоса князей. Правильно! Ши-Хуан-Ди достоин печати! Печать — Ши-Хуан-Ди!

Император. Встаньте, генерал! (Ши-Хуан-Ди подымается). Вы представлялись нам когда-то в нашей столице, но мы не могли распознать сразу ваших способностей, как тот, кто стоит под горой Таи, не может заглянуть на ее вершину. Княгиня права. Вы поистине являетесь лучшим украшением Поднебесной Империи. Князь Чжэн, прошу вас доложить нам мнение суда.

Князь Чжэн (пошептавшись с двумя другими судьями, встает и обращается к императору). О Единственный! Избранный высоким собранием и утвержденный вами суд постановил, что дальнейшее продолжение состязания было бы бесполезно. Всем нам известный герой доблестный генерал Ши-Хуан-Ди является, по признанию судей, величайшим сокровищем Империи Четырех Морей. Суд находит правильным и предложение княгини о присуждении печати непосредственно генералу Ши-Хуан-Ди: вровень с мертвыми предметами такой герой идти не может. Генерал — не князь, но почести заслуживает княжеской.

Голоса. Правильно, правильно! Да здравствует генерал Ши-Хуан-Ди!

Ван-Ляо. О высокий Сын Неба! Молю о восстановлении справедливости! Мое мнение не было запрошено, а я тоже принадлежу к составу судей.

Князь Чжэн. Но разве почтенный князь-ба не согласен с единодушной оценкой личности славного генерала нашим высоким повелителем и всеми решительно присутствующими?

Ван-Ляо. Я... я... тоже преисполнен уважения к генералу Ши-Хуан-Ди, но... но все же необходимо, по крайней мере, чтобы генерал именно здесь, на нашей Выставке, перед Тысячелетним Господином и собранием князей, выказал свою силу и доблесть. (Оглянувшись вокруг, останавливает свой взор на дине). Ну, вот, например, тут стоит бронзовый дин для благовоний, который весит тысячу фунтов. Пусть генерал приподымет его одной рукой, тогда... тогда и я уверю в его силу и, может быть, присоединюсь к постановлению судей.

Общее молчание. Между тем, генерал подходит к дину, берет его правой рукой за одну из массивных ножек, подымает высоко над головой, обносит кругом палатки и снова ставит на старое место. Общий крик восторга приветствует подвиг генерала.

Княгиня У-Сюнь (подходя к генералу). Ах, генерал, я, право, кажется, умру от восторга! (Задыхаясь от волнения, тихо). Я готова... когда мы вернемся домой... подарить вам пояс императора!

Ши-Хуан-Ди (кланяясь с видом безразличия). Верный слуга княжеского престола!

Голоса. Печать, печать генералу!

Император. Подойдите ко мне, генерал! Вы видите, какое впечатление производит ваша личность на всех князей. Могу только подтвердить, что это впечатление разделяю и я. Столь вожденная для многих печать...

Бай-Ли делает условленный знак князю Ван-Ляо.

Ван-Ляо (прерывая императора). О Единственный, простите, что я осмеливаюсь прервать вас, но я внезапно... ой-ой-ой!.. почувствовал такую страшную резь в желудке, что должен немедленно покинуть палатку... Разрешите, мой повелитель!.. Ой-ой-ой!..

Не дожидаясь ответа императора и подхватив живот, выбегает из палатки. Бай-Ли, крадучись, следует за ним.

В то же мгновение генерал Ши-Хуан-Ди выхватывает из-за пояса кривой длинный нож, сильным ударом его распарывает холст как раз за троним императора и быстро приподымает образовавшуюся таким образом полу палатки.

Ши-Хуан-Ди. О Единственный! Княгиня! Господа! Нельзя медлить ни одной минуты. Скорее, скорее все — вон!

Император, княгиня У-Сюнь, все князья, придворные и стража кидаются к прорезу и поспешно покидают палатку. Князь Янь пытается проскользнуть раньше других, но безуспешно. Наконец, генерал толкает его в спину и, вслед за ним, выходит последним.

Едва он скрывается, как происходит страшный взрыв. Трон, кресла летят на воздух. Палатка рушится в дыму и пламени.

Действие IV

Лужайка в парке князя-ба. На сцене — Ван-Ляо и Бай-Ли.

Ван-Ляо (смеется, скачет и радостно бьет в ладоши). Я — император! Я — император! Нет теперь в Поднебесной Империи никого сильнее Ван-Ляо! Все соперники — уничтожены, и престол Сына Неба — мой!.. О, радость! О, счастье!

Бай-Ли (вторя Ван-Ляо). Нет никого могущественнее императора Ван-Ляо! Нет никого счастливее князя Бай-Ли!

Князь-ба и его правитель дел не замечают, как справа подкрадывается к ним, с ножом в руках, генерал Ши-Хуан-Ди, за которым следуют император и князья.

Ши-Хуан-Ди (львиным прыжком кидаясь к Ван-Ляо и одной рукой хватая его за шиворот, а другой занося над головой его нож). Убью разбойника!

Бай-Ли (в ужасе). Привидение! (Убегает).

Ван-Ляо. Что такое?! Кто ты такой?! (Узнает Ши-Хуан-Ди и видит приближающихся императора и князей). О Небо! Генерал Ши-Хуан-Ди... Сын Неба... князья... Возможно ли?!

Ши-Хуан-Ди. Да, возможно, злодей, потому что Непорочное Небо стало не на твою сторону, а на нашу. Готовься же к смерти! Тебе недолго осталось обременять собою землю.

Ван-Ляо. Пустите меня! Что вы делаете? Как смее вы нападать на князя-ба в его собственном государстве?! Кто виноват, что как раз во время нашего заседания разразилось страшное землетрясение и подземный огонь уничтожил палатку!

Ши-Хуан-Ди. Землетрясение? Подземный огонь? Ха-ха-ха!

Ван-Ляо. Мы, во всяком случае, расследуем это дело. Но прежде всего отпустите мой ворот, генерал Ши-Хуан-Ди! Иначе вы смертью поплатитесь за вашу дерзость!

Ши-Хуан-Ди (сильно встряхивая Ван-Ляо своей могучей рукой). Презренный шакал! Чтоб ты подавился своей ложью!.. Землетрясение... расследуем... А это видал? (Вынимает перчатки Ван-Ляо и ударяет его ими по лицу). Что, нужно теперь еще какое-то расследование?!

Ван-Ляо. Но это — разбой! (Кричит). Бай-Ли! Стража! Дун-Гинь! Ко мне, ко мне на помощь! Вашего князя оскорбляют, убивают!

С разных сторон вбегают циньские воины, с начальником стражи Дун-Гинем во главе.

Ши-Хуан-Ди (снова заноса нож над головой Ван-Ляо, страже). Ни с места! Если только кто-нибудь из вас сделает хоть один шаг в направлении ко мне, смерть немедленно поразит вашего князя!

Воины останавливаются.

Ван-Ляо. Труссы, изменники! Продажные твари! Так-то вы служите вашему князю! Проклятый Дун-Гинь!

Дун-Гинь и стража делают движение вперед. Ши-Хуан-Ди взмахивает ножом.

Ван-Ляо (страже). Стой, стой! Ни с места! Ни с места, дорогой Дун-Гинь!.. Стойте спокойно, воины...

Ши-Хуан-Ди (опуская руки). То-то же! А то еще обижаться вздумал, помощи честных людей требуешь... Помни, ты — не князь больше, а разбойник из разбойников, который покушался на священную жизнь самого Сына Неба и на жизнь всех князей. Судьба твоя — в моих руках! Благодарю Небо, что я позволил тебе дышать еще несколько минут!

Император. Да, князь-ба виновен, и вмешиваться в дело правосудия никто не имеет права. Что касается генерала Ши-Хуан-Ди, открывшего заговор против нашей особы, то он волен казнить или помиловать

князя Ван-Ляо, потому что с сегодняшнего дня генерал является обладателем малой императорской печати.

Ван-Ляо (кидаясь на колени перед императором). О Единственный! Не спешите предавать меня в руки генерала, нарядите сначала следствие по моему делу, вина моя не доказана, перчатки были украдены, и я кем-то оговорен... Допускаю, что во всем виноват мой правитель дел: недаром он бежал, как только заметил ваше приближение! К тому же, великий Сын Неба, и присуждение печати генералу Ши-Хуан-Ди было неправильно, потому что я, как судья, еще не подал своего голоса.

Ши-Хуан-Ди. Та-та-та, старая лиса! Залопотал какую-то чепуху, вместо того чтобы приготовиться к смерти...

Ван-Ляо. Кроме того... кроме того, Тысячелетний Господин своим высоким словом обеспечил мне возможность предъявить суду и мое собственное величайшее сокровище. Только из-за болезненного припадка я не успел воспользоваться своим правом, а я уверен, что если бы я предъявил свое сокровище, то печать досталась бы мне!

Ши-Хуан-Ди. Ха-ха-ха! Злодей находит еще возможным хвастаться сокровищами, которые ему принадлежат! (Обращаясь к Ван-Ляо). Чудовище! Ты, видно, не веришь либо не понимаешь, что ты стоишь на краю могилы и что через несколько мгновений уже ничто в мире и ни самая твоя жизнь уже не будет принадлежать тебе! Клянусь, что это так. Иначе пусть я не буду генерал Ши-Хуан-Ди!

Ван-Ляо (вставая). Ты — не генерал, ты — разбойник! Ты незаконно присвоил печать! Если бы Тысячелетний Господин и славные князья могли оценить то сокровище, которое я намеревался им предъявить, то они присудили бы печать не тебе, а мне!

Ши-Хуан-Ди. Ха-ха-ха! Ах, забавник! Право, забавник! Ну, ну потешь меня напослед, скажи еще что-нибудь!

Ван-Ляо. Скажу, что ты — не честный военный, а вор! Да, да! Вор и трус! Ты украл, украл печать, потому что не все сокровища были предъявлены на Выставке, а теперь боишься соперничества.

Ши-Хуан-Ди (становясь серьезным). Ну так слушай же, старый шут! Я мог бы сейчас заткнуть раз навсегда твою грязную глотку этим клинком, но, по праву владельца малой императорской печати, я дарую тебе еще четверть часа жизни. Предъявляй свое сокровище!

У-Сюнь (громко вскрикивая). Генерал Ши-Хуан-Ди, не делайте этого! Не верьте Ван-Ляо! Он вас обманет.

Ши-Хуан-Ди. Не обманет, потому что я не отойду от него ни на шаг и ни на шаг не подпущу к нему никого другого!

Все князя. Не делайте, не делайте этого, генерал! Не доверяйте гиене!

Ши-Хуан-Ди. Что я сказал, то сказал. (Обращаясь к императору). Прошу Вас, о Единственный, отложить окончательное решение и позволить князю Ван-Ляо предъявить суду свое сомнительное сокровище. Как военный, я не потерплю, чтобы пущена была грязная сплетня, будто я испугался соперничества и не по праву получил печать.

Император. Мы согласны. (Князьям). Генерал Ши-Хуан-Ди сегодня спас нас всех от верной смерти и действовал притом благоразумно и храбро. Мы уверены, что он не предпримет ничего, что бы снова подвергло нашу и вашу жизнь опасности.

Ши-Хуан-Ди. Нет, не предприму. (Трясет Ван-Ляо за шиворот). Подавай же сюда свое сокровище! Как честный воин, говорю тебе: если император и князя присудят первенство тебе, я тут же откажусь от печати и, коли хочешь, поменяюсь с тобой нашими положениями.

Ван-Ляо (радостно). Вот это — голос настоящего военного! Вот это благородно! Я даже начинаю думать, что твоя душа не так черна, как я это себе представлял. Только, пожалуйста, отпусти мне ворот. Я совсем не могу дышать.

Ши-Хуан-Ди. Изволь. Но, смотри, стой неподвижно. При первой попытке бежать или при попытке твоих людей вмешаться — смерть!

Ван-Ляо. Ладно, ладно. Никуда я не побегу. (Обращаясь к начальнику своей стражи). Дун-Гинь, поспеши во дворец... и скажи: Великий Сын Неба и славные князья желают видеть Цветок Небес! Пусть все... как было задумано... поскорей... явятся сюда! Их ожидают. Беги же, беги!

Дун-Гинь поспешно уходит.

Ши-Хуан-Ди. Цветок Небес? Ха-ха-ха! Это что же, нечто вроде волшебной жемчужины, что ли? Цветок, который своим ароматом лишает силы противника или который никогда не вянет и не опадает? Ха-ха-ха! Знаем мы эти сказки!

Ван-Ляо (императору). О Единственный! Древнее сказание о богине Гуань-Инь-Пусе, подательнице мира, милосердия, прощения и любви, предстанет сейчас перед вашими глазами в виде танца, исполненного моей единственной любимой дочерью и ее друзьями и подругами. Молю вас о снисхождении к молодым умельцам!

Княгиня У-Сюнь (близко подходя к генералу Ши-Хуан-Ди). Генерал, в последний раз обращаюсь к вам! Все это может окончиться очень плохо. Вы не знаете Ван-Ляо! Он вас перехитрит. Опомнитесь! Откажитесь от состязания!

Ши-Хуан-Ди. Чтобы потом говорили, что генерал Ши-Хуан-Ди струсил? Ни за что! Я — верный слуга княжеского престола, но против чести поступать не могу. Вот когда суд вторично подтвердит мои права, то тогда уже никакой пустомеля не посмеет рта разинуть, чтобы оскорбить меня своим глупым подозрением! Впрочем, я и мысли не допускаю, чтобы...

Слова замирают на его устах. Справа и слева из-за кулис, под звуки музыки, показываются пары и группы молодых людей и девушек, обходящих сцену и то важно, то весело, но неизменно дружелюбно о чем-то взаимно беседующих. Они то сходятся, то расходятся. При встречах с изысканной вежливостью друг друга приветствуют. Мало-помалу их ритмические движения, вместе с изменением характера музыки, переходят в своеобразный поэтический и притом живой и бодрый танец, темп которого все ускоряется. Неожиданно к танцующим примешиваются, однако, какие-то темные тени. Это — злые духи, вносящие раздор между людьми. Тени сталкиваются и разлучают танцующих, вносят беспорядок и беспокойство в их среду. Недоумение понемногу сменяется раздражением, и толпа молодых людей и девушек скоро делится на два враждующих лагеря. Отдельные фигуры и группы людей нападают друг на друга, появляется оружие, раненые падают на землю... Когда борьба достигает наивысшего разгара и ожесточения, бурная музыка вдруг изменяется в обворожительно легкую и нежную. В глубине сцены показывается прелестная 16-летняя девушка, одетая в легкое кимоно из золотистой ткани, сияющая первой молодостью и красотой: это — княжна Цветок Небес, исполняющая роль богини Гуань-Инь-Пусы. Богиня властно обращается то к одной, то к другой из враждующих сторон, повелевая прекратить борьбу, строго останавливает отдельных, еще не освободившихся от своего ожесточения бойцов, исцеляя — поднимает с земли пораженных, берет и соединяет руки то одной, то другой пары противников, ласково улыбается примирившимся, мелькает то здесь, то там, — и, в результате, потревоженная и взбаламученная толпа успокаивается, злоба стихает, волнение прекращается, вражда сменяется взаимным расположением и радостью.

Светлая богиня, вся — радость и счастье, исполняет танец торжествующей любви и единения, к которому присоединяются и все остальные юноши и девушки. Закрывая ликующий танец, Цветок Небес грациозно склоняется перед императором и — торжествующим жестом — указывает ему на умиротворенную толпу: юноши и девушки протягивают руки к Сыну Неба. Танец производит сильное впечатление. Император и князя поражены. Генерал Ши-Хуан-Ди остолбенел от изумления. И только на лице княгини У-Сюнь написано крайнее беспокойство.

Ван-Ляо (протягивая руки к дочери). Дочь... дочь моя! Голубка моя! Какое счастье! Еще раз... еще раз увидел я тебя. Солнышко мое, звездочка моя! (Плачет).

Княжна (внезапно выбегая из круга молодежи и подбегая к отцу). Отец, что значат эти слезы? И что такое ты говоришь? Или я плохо танцевала, и Сын Неба недоволен?

Ван-Ляо. Нет, дитя мое, ты танцевала божественно! Мои слезы — это слезы восторга. Я надеюсь, что твой танец понравился и нашему повелителю. Иди же, преклонись перед Сыном Неба!

Девушка, смущенная, но счастливая, отходит от отца и, приблизившись к императору, повергается перед ним ниц. Примеру ее следуют и остальные юноши и девушки.

Император (тронутый). Встаньте, дитя мое!

Княжна, а за нею и вся молодежь, поднимаются. Среди князей шепот: «Прелестна!.. Очаровательна!..»

Император. Как вас зовут?

Княжна. Цветок Небес.

Император. Ах, так это вы-то и есть величайшее сокровище вашего отца?

Потупившаяся княжна не успевает ответить.

Ван-Ляо (устремляется к императору, но, схваченный за руку и удержанный генералом Ши-Хуан-Ди, остается на месте). Она, она, мой повелитель! Нет другой такой красавицы, нет другого столь блестящего дарования, нет другого такого доброго сердца, как Цветок Небес, во всей Поднебесной Империи!

Император (снисходительно улыбаясь). Готов этому поверить.

Ван-Ляо. А как она говорит стихи, мой повелитель! Как поет! Соболаговолите выслушать ее, о Единственный! Доставьте последнюю радость старику!

Княжна (в некоторой тревоге). Почему последнюю? Я всегда готова говорить стихи и петь для тебя, отец!

Ван-Ляо (умоляюще складывая руки). О Единственный!

Император. Я буду рад послушать. Пожалуйста, княжна!

Княгиня У-Сюнь. Это ужасно! Это — гибель всего нашего дела!

Ван-Ляо (поворачиваясь к княгине У-Сюнь, участливо). Что с вами, всемиловитая княгиня? На вашем лице написано страдание. Уж не болит ли и у вас живот?

Княгиня, в гневе, отворачивается.

Княжна. Если Тысячелетний Господин так добр, я сочту за счастье доставить ему и всем почтеннейшим князьям и высокородной княгине то маленькое удовольствие, какое могу.

Юноши и девушки (между собой). Тс-с! Тише! Цветок Небес будет говорить стихи! Цветок Небес будет петь! (Воцаряется тишина).

Княжна (декламирует).

Белую я розу
Шелком вышивала.
Тяжкий вздох из груди
Вырвался невольно.

Уколола палец —
Заалела роза.
Далеко, далеко
На войне мой милый.
Может быть, и он там
Кровь свою роняет?
Чу! Иль это топот,
Топот конский слышен?
Знать, его коня?
Нет, то бьется звонко
Юным жеребенком
Сердечко мое!
Слезы, слезы льются,
Падают на шелк...
Иль они воткнутся,
Словно светлый жемчуг,
В вышивку мою?

Император. Прекрасно! Чудесно!
Все. Прекрасно! Чудесно! Еще, еще! Что-нибудь еще, княжна!
Княжна (снова декламирует).

Много лет не была
Я в Восточных горах.
Сколько раз без меня
Цвел жасмин там весной!
Одинокое облако таяло там,
Без меня же, в дали голубой.
За который-то дом по ночам западал
Ты, серебряный месяц печальный?!

Император и Ши-Хуан-Ди (вместе). Очаровательно!
Ши-Хуан-Ди (тотчас). Прошу прощения, о Единственный!
Император. Ничего, я вполне понимаю ваше восхищение и нетерпеливое желание высказаться.
Князь. Очаровательно, очаровательно!
Молодежь. Сын Неба похвалил Цветок Небес!.. Тысячелетний Господин сказал: «Очаровательно!» Счастливая княжна!..
Ван-Ляо (одновременно и смеясь, и плача). Цветок Небес!.. Девочка моя... красавица... умница... Ну же, спеть, спеть! Теперь — спеть!
Княжна. Спеть? Ну, хорошо. (Поет).

Там, далеко в горах,
Над рекою Челе,

Под вершиною Ин,
Голубая бездонная чаша Небес
Распростерлась над краем родным.
То — отчизна моя,
И скромна, и бедна,
Человек не легко там живет.
Ветер травы колышет кругом,
Звонко пеночка песни поет.

Общий восторг.

Ван-Ляо (обнимая дочь). Доченька! Солнышко! Ласточка моя! *Цветочек!* Ты не знаешь, что ты сделала сегодня!

Княжна. Да ничего особенного, родной! Правда, что голос мой звучал сегодня, пожалуй, лучше, чем обыкновенно.

Император. Я вижу, князь, что ваша дочь прекрасно воспитана. Мы все — в восторге от ее выступления. Поздравляю вас!

Ван-Ляо. Благодарю, мой повелитель! Благодарю!

Княгиня У-Сюнь (генералу Ши-Хуан-Ди, ревниво). Вы, кажется, совершенно очарованы, генерал?

Ши-Хуан-Ди (как бы очнувшись от сладкого сна). Ах, я хотел бы написать это имя — *Цветок Небес* — на изящном листе красной бумаги и, воскурив перед ним благовоние, земно кланяться ему утром и вечером! (Внезапно покидая князя-ба, около которого он стоял все время, и приближаясь к императору). О Единственный! В состоявшемся состязании я признаю себя побежденным и прошу вас вручить малую императорскую печать достойнейшей!

Страшный шум поднимается в толпе при этих словах. Одни князя, вместе с княгиней У-Сюнь, кричат: «Зачем он отказывается? Это — страшная опрометчивость! Так нельзя!.. Княжна вас всех погубит!..» Другие: «Она прелестна!.. Она — совершенство!.. Она, наверное, так же добра, как и прекрасна!..»

Ван-Ляо. О Небо! Помоги!

Император. Не спорьте, господа! У нас есть суд. Мы желаем слышать мнение законного суда.

Князь Чжэн (пошептавшись с другими судьями). О Единственный! Если считать членом суда князя Ван-Ляо, на чем он настаивает, то у нас образуется четыре голоса. Из них два высказались, как за драгоценнейшее украшение Срединного Государства, за генерала Ши-Хуан-Ди, а два — за княжну *Цветок Небес*. Решение, таким образом, не состоялось. Оно принадлежит теперь всецело Тысячелетнему Господину.

Император. Вот неожиданное постановление! Но...

(Протягивает вперед руку, указывая на дальний край рампы). Дорогой князь Чжэн, что это за цветочек там? Вы, наверное, знаете.

Чжэн. Цветочек?

Император. Да, да. Очень милый цветочек! Я еще не встречал такого. Посмотрим поближе! (Берет князя Чжэна под руку и отводит к рампе).

Чжэн. Ах, в самом деле, какой хорошенький цветочек!

Оба наклоняются над рампой, делая вид, что рассматривают цветок.

Император (тихо). Что делать?

Чжэн (так же). Мы — в западне. Наши войска — далеко. Делайте все так, чтобы нам выбраться отсюда живыми и невредимыми.

Император. Но в этом-то, в этом-то случае что делать?

Чжэн. Присудите печать обоим — генералу и княжне. Прославляйте богиню Гуань-Инь-Пусу.

Император. Понимаю. (Возвращается к своему месту). Обязательно разведу это прелестное растение в дворцовых парках! (Садится). Итак... да, да... кому же печать? (С важностью). Колебания суда понятны, как понятен и порыв генерала Ши-Хуан-Ди. Все мы чувствуем, что прелестная княжна Цветок Небес является достойной его соперницей. Но и появление этой соперницы не случайно. Она, конечно, послана была в нашу среду не кем иным, как самой богиней мира Гуань-Инь-Пусой. Всеблагая, очевидно, желает не разрыва, не ссоры, не междоусобицы, а мудрого примирения. По крайней мере, нам лично божественная воля ясна, и в согласии с нею мы постановляем: владение малой императорской печатью и связанными с нею правами и полномочиями принадлежит славному генералу Ши-Хуан-Ди...

Княгиня У-Сюнь. О, счастье!

Император (продолжая). И высокородной княжне Цветок Небес...

Ван-Ляо (радостно). Боги!

Император (доканчивая). Вместе. Так, что голос одного не действителен без голоса другого. Мы надеемся, впрочем, что очаровательная княжна и храбрый генерал всегда найдут способ договориться и согласовать свои мнения. Да будет так!

Глубокое молчание, встретившее сначала слова императора, быстро сменяется общим оживлением и шумом. Слышны отдельные голоса: «Прекрасно! Справедливо! Очень мудро! Иного выхода не было... Нет, не было!..»

Княгиня У-Сюнь. Но я не понимаю, как же... }

Ван-Ляо (обнимая дочь). Спасительница! } (Вместе).

Ши-Хуан-Ди. О, на таких основаниях... }

Император. Итак, награда присуждена. Генерал Ши-Хуан-Ди, принимаете вы половину прав на обладание и распоряжение малой императорской печатью?

Ши-Хуан-Ди. Склоняюсь перед волей Сына Неба!

Император. А вы, княжна Цветок Небес?

Княжна. Я? Но я не знаю: для чего мне эта печать?

Ван-Ляо. Бери, бери! И благодари Сына Неба!

Княгиня У-Сюнь. О, милое дитя!

Голоса в толпе. Княжна сомневается!.. Княжна не знает, для чего ей печать!.. Какое простосердечие!..

Император. Я должен вам объяснить, княжна, что обладатель малой императорской печати получает право над жизнью и смертью любого из граждан Срединного Цветущего Государства.

Ши-Хуан-Ди. Поймите, высокородная княжна: если бы, например, кто-нибудь угрожал жизни вашего отца или даже если бы я, опираясь на свое право обладания половиной печати, стал угрожать его жизни, то достаточно было бы одного вашего словечка, чтобы подобные замыслы остановить.

Княжна. Но ведь вы не собираетесь угрожать жизни моего отца, генерал? Не правда ли?

Ши-Хуан-Ди (смущаясь). Я... я, княжна? Я... да... нет... Я не собираюсь теперь!..

Княжна. Ну, вот видите! А высокий Сын Неба, который так милостив ко мне, тем более нет. А кто же еще посмеет угрожать моему отцу?! Следовательно, печать мне не нужна!

Княгиня У-Сюнь. Вы — очаровательны, княжна! Вы меня победили. Поэтому я позволяю себе вмешаться и, как женщина женщине, дать вам добрый совет. Именно, не забывайте, что с обладанием печатью связано не только право жизни, но и право смерти над кем угодно. Допустим, не вам угрожают, но вы сами ненавидите кого-нибудь и хотите его уничтожить, — и вот, достаточно только пожелать...

Княжна (весело и звонко рассмеявшись). Но, уверяю вас, княгиня, я, право, никого не ненавижу и решительно никого не хочу уничтожить! (Общее веселье). Нет, нет! Печать совсем не нужна мне, и я не буду знать, что с ней делать! (Обращаясь к императору). О Единственный! Освободите меня от этой печати! Я не хочу ее — ни целой, ни половинки, ни даже четвертинки или восьминки... Я так молода, и вдруг — такие страшные полномочия! (Внезапно, как бы спохватившись). Вот разве... Но нет, я не смею надеяться на такую милость со стороны Тысячелетнего Господина!

Император. Какой же милости желаете вы, княжна?

Княжна. Нет, нет, я стыжусь сказать...

Император. Скажите же, однако ж! Вы — вправе требовать милости, особенно раз вы отказываетесь от печати.

Княжна. Я боюсь.

Ван-Ляо. Скажи же, скажи, дочка! Великий Сын Неба — безмерно милостив, и он не осудит тебя за твою девичью просьбу.

Княжна. Ну, хорошо... Я хотела сказать... хотела просить... вот если бы мне было разрешено подарить кому-нибудь мою половину печати?

Всеобщее изумление. Возгласы: «Подарить?! О-о!.. Но кому же?!»

Княгиня У-Сюнь. Подарить? О великодушная княжна! Как я вас понимаю!.. Решительно вы завоевываете все более и более мое сердце... Мне кажется даже, что я знаю, кому вы собираетесь подарить ваши права на половину печати. Скажите — генералу Ши-Хуан-Ди? Великому герою Срединного Государства? Не правда ли? Да? Да? Скажите!

Ван-Ляо. Или мне, мне, дочка? Своему старику-отцу и лучшему другу?

Император (пошептавшись с князем Чжэном). Возможность передачи прав на печать другому лицу предусмотрена не была. Но, восхищаясь бескорыстием княжны Цветок Небес и желая выказать ей нашу особую благосклонность, мы, в виде исключения, разрешаем ей передать свои права на половину печати другому лицу. Но только мы желаем знать, кого именно изберет княжна, и оставляем за собой право утверждения или неутверждения этого лица.

Князь Чжэн и другие князья. Какое великодушное, какое мудрое решение!

Ван-Ляо. Итак... кому же? Кому же, родная?

Княжна (бросив искоса взгляд на кружок молодежи). Ю!

Ван-Ляо. Что-о?!

Голоса. Что, что такое?! Ю?! Какому Ю?! Кто это такой Ю?

Княжна (потупясь). Он танцевал со мной...

Император. Если здесь есть кто-нибудь, кто называет себя Ю, то пусть он выступит вперед!

Ю, сын Бай-Ли, выходит из группы танцоров и повергается ниц перед императором.

Император. Встаньте! (Оглядывая юношу и обращаясь к Ван-Ляо). Кто этот юноша?

Ван-Ляо (крайне смущенный). Это... это — сын правителя дел моего княжества Бай-Ли. Я не знаю, о Единственный, решительно не знаю, чем руководствовалась моя дочь в своем выборе Ю как лица, которому она желает передать свои права на печать.

Княгиня У-Сюнь. Ну, об этом, кажется, нетрудно догадаться! Княжна — душка! Княжна — первая роза весны, княжна — утренний луч солнца! Недаром ее зовут Цветок Небес! Я положительно полюбила прелестную княжну! (Подбежав к девушке, берет ее за обе руки и нежно заглядывает ей в глаза).

Ши-Хуан-Ди (ударяя себя по лбу). А я-то, я-то думал... (Печально отходит в сторону).

Император. Решение княжны, в самом деле, довольно неожиданно и застигает нас до некоторой степени врасплох. Что скажет по поводу выбора княжны главный судья князь Чжэн? Мы нуждаемся в его совете.

Князь Чжэн. Я полагаю, что так как господин Ю не является ни знаменитым воином, ни государственным деятелем, ни победителем в сегодняшнем состязании, подобно княжне, то передача ему хотя бы частичного права обладания малой императорской печатью была бы необоснованной. Я допускаю только одно условие, при котором эта передача могла бы состояться...

Княжна (быстро). Какое же?

Князь Чжэн. Если бы господин Ю был женихом княжны Цветок Небес и стал в будущем ее мужем.

Все окаменели, кроме княжны Цветок Небес, в неизъяснимом волнении прижавшей руки к груди, и Ю, рванувшегося, было, к ней и снова застывшего. Общее молчание.

Император. Мудрый голос достойного князя да послужит решением в том вопросе, перед которым мы были поставлены сложными событиями сегодняшнего дня. Теперь уже все зависит от намерений и предположений главы Циньского княжества и его прелестной дочери.

Ван-Ляо. Я... я... О Всевидящее Око, Верховный Повелитель Небес, Светил, Земли и Всего Сущего! Дочь моя... дочка! Что же это такое? Или... или это правда, что Ю — твой друг? И что... что ты готова... подарить ему свое сердце?

Княжна. Да, отец!

Ван-Ляо. Но я ничего не знал об этом!

Князь Вэй. Эх, князь Ван-Ляо! Поверьте, что вы — не первый и не последний из родителей, кого детки, влюбившись, так удивляют!

Княгиня У-Сюнь. Да, да, и тут уж не помогут ни ваш ум, ни ваша опытность!

Князь Вэй. Княгиня права: любовь всегда перехитрит и опыт, и разум.

Ван-Ляо (проводя рукой по лбу и как бы силясь понять положение). Да, да... вы правы... Но Ю — не княжеского рода!

Князь Чжэн. Это правда, но у вас нет сыновей, князь Ван-Ляо. Поэтому, если вы дадите разрешение на брак господина Ю с вашей дочерью, то дети от этого брака, милостью Сына Неба, могут быть признаны законными Циньскими князьями. (Шепчет что-то на ухо императору).

Император. И мы не преминем оказать эту милость князю-ба, особенно в том случае, если он, со своей стороны, проявит добрую волю и теперь же провозгласит княжну Цветок Небес правящей княгиней Цинь. Само собой разумеется, оставив за собою, до совершеннолетия дочери, права ее опекуна и советника.

Ван-Ляо (вздвигнув). Да будет так! Воля великого Сына Неба для меня священна. (Обращаясь к дочери). Дочь моя, княжна Цветок Небес! Вот я, князь-ба, князь Циньский, в священном присутствии Сына Неба и всех владетельных князей Срединного Государства, слагаю с себя свой сан, торжественно провозглашаю тебя княгиней Цинь и первый склоняюсь перед тобой! (Хочет опуститься на колени).

Княжна (удерживая отца). Не надо, не надо! О Единственный! Милый отец! Зачем это? Зачем?

Ван-Ляо (решительно). Так надо. Пойми, дитя: так надо! Молодость приходит на смену старости. Это естественно. Невинность и чистота — на смену слабости и усталости, слишком часто и безрассудно уступавших напору зла и порока. Сын Неба — великодушен и мудр. И тебе, дочка, как верноподданной Тысячелетнего Господина, надлежит беспрекословно и безропотно подчиниться его воле.

Княжна. Если так надо и если такова воля Тысячелетнего Господина и твоя, то... хорошо, я подчиняюсь!

Император. Мы удовлетворены. Остается, по-видимому, только узнать у молодого господина Ю, согласен ли он признать своей женой высокородную княгиню Цинь. Ю, отвечайте!

Ю (падая ниц). Согласен, о Единственный!

Император. Подайте же руку княгине!

Ю встает и робко протягивает руку Цветку Небес. Та, застенчиво улыбаясь, принимает ее.

Ван-Ляо (обнимая обоих). Да благословит Небо ваш союз!

Все. Слава, слава! Да здравствует высокородная княгиня Цинь! Да здравствует господин Ю!

Жених и невеста снова повергаются ниц перед императором.

Император. Верю, что союз ваш будет счастлив. Желая, чтобы так же счастливо было и правление княгини Цветок Небес. Встаньте! (Молодые люди встают). Итак, судьба печати решена.

Многие из присутствующих подходят к Цветку Небес и Ю и поздравляют их, не забывая помахать сложенными в пригоршни ладонями перед грудью. Те так же отвечают.

Ши-Хуан-Ди (не столько огорченный, сколько пораженный неожиданностью). А я-то, я-то надеялся!

Княгиня У-Сюнь. Надежда — судьбоносная богиня, генерал! Оставайтесь ей верны. Иногда она награждает смертных без предела. Вы видели, как лицо не княжеского происхождения только что провозглашено было мужем княгини: это значит, что оно войдет в историю, как основатель нового княжеского рода. Не подумали ли вы о том, что нечто подобное может повториться в наши дни и в княжестве У, где так же, как и в княжестве Цинь, мужская линия древнего княжеского рода пресеклась? Вы не подумали об этом — вы, обладатель малой императорской печати?

Ши-Хуан-Ди. Княгиня! Возможно ли?!

Княгиня (кокетливо). Отчего же невозможно? Все зависит от милости Сына Неба и от его благоволения или неблаговоления к тому или иному из своих подданных. С моей стороны, по крайней мере, препятствий к этому не предвидится.

Ши-Хуан-Ди. Княгиня!..

Княгиня У-Сюнь. Тс-с! Нас слушают... Поговорим об этом потом, когда вернемся домой!

Ши-Хуан-Ди (склоняясь). Верный слуга княжеского престола!

Князь Чжэн. А что будет с отцом господина Ю? С прежним правителем дел?

Император. Ах, вы говорите о господине Бай-Ли? Но я слышал, что господин Бай-Ли серьезно болен. Говорят, он принимает иногда живых людей за привидения. В таком случае, ему, конечно, нужно поехать, отдохнуть и переселиться на несколько лет к морю, за пределы Циньского княжества. Молодая княгиня может пользоваться советами своего отца и, если будет нужно, то, конечно, найдет достойного заместителя господину Бай-Ли среди других государственных мужей своего княжества. Ведь они есть, не правда ли, князь-ба?

Ван-Ляо. О, конечно!

Император. Вот видите! Так что и с этой стороны все обстоит благополучно. Нет, нет, я чувствую непосредственное вмешательство великой богини Гуань-Инь-Пусы, подательницы мира и согласия, в наши дела. Выставка прошла успешно. Мы удостоверились, что сокровища нашей родины — действительно, необъятны и разнообразны. Нельзя отрицать, что злые силы стремились подорвать успех нашего предприятия. Они вызвали даже нечто вроде землетрясения и готовились перессорить нас друг с другом. Но богиня мира явилась — и грозивший страшными последствиями весьма запутанный клубок событий понемногу начинает сам собой распутываться.

Князь Чжэн, Ши-Хуан-Ди и Ван-Ляо. Да, да! Святая правда!

Все. Возблагодарим пресветлую богиню Гуань-Инь-Пусу!

Император. Объявляю первую великую Выставку сокровищ закрытой. Желаю вам, благородные князья, и вам, княгиня Сияющее Счастье, благополучного возвращения в свои уделы!

Все. Да здравствует Тысячелетний Господин! Да живет Срединное Цветущее Государство десять тысяч лет! Слава Сыну Неба!

Император милостиво отвечает на приветствия. Ван-Ляо снова обнимает дочь и Ю.

Между тем, начальник императорского двора и его помощники приглашают присутствующих занять свои места в подготовляющемся торжественном шествии через город. Появляется золоченый паланкин для императора. Впереди становятся музыканты. Далее следует небольшой отряд воинов во главе с генералом Ши-Хуан-Ди. За отрядом размещаются, попарно, придворные и во главе их начальник двора; затем идут князья, также попарно, потом — Ван-Ляо с княгиней У-Сюнь, княгиня Цветок Небес и Ю, император в паланкине и, наконец, второй отряд воинов.

Под звуки громкой торжественной музыки шествие трогается, обходит всю сцену и скрывается за кулисами. Толпа веселой молодежи следует за ним. Навстречу несутся приветственные клики народа.

Занавес

*Ясная Поляна,
1 марта 1956 г.*

РГАЛИ. Ф. 2226, оп. 1, д. 156, лл. 45-97.